

Офицер Красной Армии

Автор:

Владимир Поселягин

Офицер Красной Армии

Владимир Геннадьевич Поселягин

Командир Красной Армии #2

Возвращение Виталия Мишина произошло несколько... необычно. Не понимая, кем он стал, Виталий возвращается в тот же мир, где погиб. Военное время, оккупированная немцами территория Украины. Молодой красный командир, что идёт по грязным весенним дорогам. Идёт к фронту, несмотря ни на что.

Владимир Геннадьевич Поселягин

Офицер Красной Армии

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 83

© Владимир Поселягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

* * *

Боль, холод... Как мне больно... и холодно... Я умираю... Странно, я полностью осознаю себя живым человеком, но понимаю, что умираю от холода, отсутствия воды и пищи... Снова умер, но смог пошевелить одной рукой... Я не знаю, сколько прошло времени, умирал я уже шестнадцать раз... или семнадцать? Неважно, всё это уже привычно. За это время я уже определил, что нахожусь в могиле. Как? Теснота, отчего практически невозможно было пошевелиться, и сыплющаяся вокруг сырая земля. Выжил, смог. Сосал сырую землю, стараясь обмануть желудок. Воздух был, немного, но был. Как я понял, это просела земля и он через щель поступал небольшими порциями.

Как же мне холодно. Я не чувствовал рук и ног, но, наверное, это даже к лучшему – когда я царапал промёрзшую землю, не чувствовал боли от ободранных ногтей и содранной кожи... Освободил вторую руку... Снова умер от переохлаждения... Страшно. Уже не помню номер этой смерти. Холодно и очень страшно.

Сколько прошло – неделя? месяц? – когда я ударом кулака проделал отверстие в земле и стал жадно хватать лёгкими воздух, шумно дыша при этом? Сил проделать отверстие шире, чтобы вылезти, у меня уже не хватило... умер.

Снова очнулся там же. Всё уже стало привычно, но были свежий воздух и просвет сверху. На поверхности был день и, кажется, шёл дождь, в дыру я разглядел покачивающиеся ветви деревьев. Похоже, могила находилась в лесу или на опушке. Листвы не было, ветви были голыми, но почки я рассмотрел отчётливо, хотя старался проморгаться от грязи и жижи, что стекала по стенкам проделанного прохода и капала на лицо.

Чувствуя, что скоро снова от переохлаждения протяну ноги, я с рычанием стал пробиваться наверх. Не смог, увеличил отверстие в промёрзшей земле – я не ошибся, земля действительно не оттаяла, на сколах был виден лёд – умер он от переохлаждения. Когда очнулся, снаружи была ночь, однако я продолжил борьбу за жизнь. Не помню, какая она у меня, может, уже сотая... Не важно. Подкрадывается апатия... Нет, я смогу, я выберусь!

Скользя ногами по склизкой и мокрой земле могилы, вода через отверстие всё-таки попала внутрь, я с рычанием по пояс высунулся наружу и, помогая себе

руками, рывком выбрался и свалился на прошлогоднюю листву, шумно дыша. Подгребая к себе ободранными руками листву, я уткнулся в неё лицом и заплакал. Не помню, сколько времени мне понадобилось, чтобы откопаться, но это время было самым тяжёлым в моей жизни.

Не знаю, какое сейчас время года, но думаю, весна. Где я находился, в каком времени и местности, тоже не знал, однако напавшая апатия, после того как покинул могилу, буквально раздавила меня.

– Встать! – негромко приказал я себе, продолжая тискать болевшими пальцами листву, и тут же заорал, будя в себе жажду жизни. – Встать!!!

С трудом приняв сидячее положение, я подполз к стволу дерева, в темноте было видно его тёмную массу, и, хватаясь руками за кору, которую пробороzdили глубокие трещины, с трудом встал. Покачиваясь, я держался одной рукой за ствол, а другой балансировал. Ноги с трудом держали меня. Я все силы вложил в этот последний рывок, так что чувствовал полную обессиленность. Мысли путались, и я никак не мог сосредоточиться.

Пока прорывался на поверхность, я пытался проанализировать ситуацию. Но из-за недостатка информации быстро бросил это дело. Выводы были неутешительны. Я воскрес и был жив, хоть и умирал и воскресал в жутких мучениях, но был похоронен и шансы выбраться у меня были минимальны. Однако размышлял я и о том, где находился. По всем прикидкам после того смертельного ранения, когда меня разорвало почти пополам снарядом пушки «мессера», моё тело было похоронено. На это намекали все те вещи, что были на мне. Конечно, за всё то время, что я пытался выбраться, одежда пришла практически в полную негодность, но определить, что я был в командирском френче и галифе, смог. Даже нащупал кубари в петлицах. Да и попорчена она была попаданием снаряда. Он ведь не только тело повредил.

Так что по всем прикидкам я оказался на том же месте, где меня похоронили. Знать бы ещё, это сделали на месте ранения или отвезли куда? Ничего, выясню.

Думаю, я бы не вылез из могилы, если бы не один заинтересовавший меня факт. Воскресал я всегда в полном порядке. Во время копания я трижды ломал руку, как-то умудрялся, пальцы не в счёт. Один раз вообще указательный палец повис на коже, и пришлось её перегрызть, чтобы не мешал. Однако во время

следующего воскрешения всё было в порядке. На руках и ногах ни царапинки. Ощупывая себя, я убеждался, что полностью здоров. А дальше следовало продолжение борьбы за жизнь, и я снова повреждал свои руки до такой степени, что нельзя было копать. Сколько раз я умирал от переохлаждения, обезвоживания, кровопотери? Много, я давно сбился со счёта.

Многие спросят, а куда я девал землю, копая? Под себя, куда же ещё? Так потихоньку и поднимался. Поднялся и выбрался.

Всё ещё не веря своей свободе, я продолжал стоять, трясясь от озноба и от холода, буквально упиваясь тем, что выбрался. Длилось это секунд десять, после чего я пошатнулся и ухватился за ствол обеими руками.

- Чтоб тебя, - тихо пробормотал я себе под нос.

Так, держась за дерево, я стоял и улыбался, размышляя о своей судьбе. Нет, то, что я столько умирал и воскресал, меня нисколько не удивляло. Со мной такое уже было. Ещё в моём времени я заживо сгорел в обломках вертолёта и очнулся здесь, в этом мире голый и живой. Так что воскрешение меня скорее озадачивало. Не зная о первопричинах этих событий, я просто не понимал, как на всё это реагировать, но своим новым умениям был рад. Чую, ещё не раз мне всё это пригодится.

Было темно хоть глаз выколи, луну закрывали густые тучи. Я их не видел, но звёзд не было видно, как и спутника, так что вывод напрашивался сам собой.

Хотелось есть. Нет, не так. Хотелось буквально жрать. Желудок сводило от голода. Видимо, именно поэтому был такой упадок сил. Пошатываясь, я сделал пару шагов вперёд и, ухватившись за низко висевшую ветку, нащупал грязными пальцами набухающие почки. Почти сразу я стал сдирать их зубами и, быстро пережевывая, глотать. Ненадолго желудок обману, дальше будет легче. Вернувшись обратно к дереву, снова прижался к нему. Я две ветви полностью обглодал, так что хоть немного, но дал желудку пищу. Теперь хотелось пить.

- Весна, - пробормотал я. - Похоже, середина или конец апреля. Где-то так.

Ощупав себя, я стал сдирать остатки формы. Галифе были ещё ничего, одна дыра на колене, а вот от френча и нижней рубахи остались одни только

воспоминания. Содрав левый ободранный рукав, я отбросил его в сторону, поёживаясь от ночного холода и сырости. Обнажённое тело тут же стал остужать холодный ветерок. После этого, плюхнувшись на зад, я занялся галифе и сапогами. Да, на ногах у меня были мои старые добротные сапоги. Правда, их тронула сырость и тление, но хоть что-то. За неимением лучшего, как говорится.

Больше всего я провозился с сапогами. С трудом стянув их, я размотал сгнившие портянки и повесил сушиться. Утром посмотрю, может, ещё пойдут в дело? Следом настала очередь галифе, их я снял быстро. Теперь я стоял полностью обнажённый, дрожа от холода, но всё такой же грязный, хотя на боку корка могильной жижи стала подсыхать и отваливаться при движении.

Как ни парадоксально, но во время борьбы с сапогами я согрелся, даже немного сил вернулось. По крайней мере, встав с листвы, я накинул грязные от сырой земли и, надо сказать, моих испражнений галифе на ветку и, покачиваясь, щупая перед собой левой ногой землю, направился к могиле. Дело в том, что там остались некоторые вещи, которые, видимо, положили со мной, когда хоронили. Это были плащпалатка, фуражка и, что важно, командирский ремень с кобурой. Причём не пустой.

К сожалению, когда я продирался через узкое отверстие, то как-то не думал о сохранности этих вещей. Единственное желание, на уровне инстинктов, было выбраться на поверхность. Так что немного придя в себя, вспомнил об этих нужных мне вещах. Ремень с пистолетом тогда скользнул по ногам и остался внизу. Там же остались и плащ-палатка с фуражкой, превращённой в блин, пока я откапывался. Хотя вроде перед двумя последними смертями я уже не заботился об её сохранности и, кажется, завалил землёй. Вниз я не полезу, до того натерпелся, что в данный момент просто духу не хватит. Так что, если нет её на виду, брошу. Главное, чтобы плащ-палатка была цела. Хоть сверху её накину. Влажная она и грязная, но что ни говори, а от ветра защита.

– Интересно, патроны есть? – тихо пробормотал я, нащупывая ногой край могилы.

Встав на колени, я лёг на живот, почти сразу зашипев от боли. Какой-то сучок пребольно впился мне под ребро. Убрав его в сторону, я подгрёб под себя листву и наполовину, вниз головой, залез в яму. Первым мне попался под руку край плащ-палатки, потом и ремень. А вот фуражка так и не нашлась. Видимо, я действительно закопал её, когда откапывался, утрамбовав землю своей тушей.

Выбравшись наверх, я бросил рядом ремень с кобурой и выдернул из могилы плащ-палатку.

С трудом встав, я подобрал все вещи и вернулся к дереву. Нос немного прочистился, и я стал чувствовать смрад грязного белья и, что уж говорить, тела. Пока вылезал, не раз пришлось ходить под себя. Санузла у меня не было, деваться некуда. Потом желудок очистился, и ходить под себя уже стало нечем.

– Сейчас бы речку, отмыться, – стуча зубами, пробормотал я. – А лучше в баньку, одеться в чистую одежду и сесть за праздничный стол. Эх, мечты-мечты.

Сжавшись в комок, дрожа от холода, я стал пережидать ночь. Через некоторое время я почувствовал, что меня стало клонить в сон. Этого нельзя было допустить – как умирают от переохлаждения, я знал. Нет, не так сказал: Я ЭТО ЗНАЛ КАК НИКТО ДРУГОЙ!!!

– Надо то-то делать, – пробормотал я посиневшими губами.

С некоторым трудом встав, осмотрелся. Мгла немного рассеялась, и стало возможным обозреть ближайшие деревья. Я ошибся. Это был не лес. Скорее всего небольшая роща вроде той, где меня тяжело ранили. Вполне возможно, тут же меня и похоронили, а раз так, то я знал примерное своё местоположение. Насколько помню, расположение штаба дивизиона до моего ранения находилось на полевом стане неподалёку от села Народичи у реки Уж. Я находился где-то недалеко от Чернобыля, меньше ста километров. Но это пока предположения, утром точно будет ясно. По идее где-то недалеко должен находиться тот самый полевой стан.

Чтобы согреться, я стал сгребать листву руками, морщась от боли в пальцах. У трёх были содраны ногти и повреждена кожа, остальные тоже выглядели неважно. Набрав гору листвы, я закопался в неё, продолжая дрожать от холода и пытаясь согреться.

– Твою мать! – был мой первый же возглас, когда я проснулся. Смотрел я на чистую кожу пальцев без видимых повреждений, да и ногти все были на месте. Это означало, что ночи я не пережил, соответственно уснул и замёрз. На улице

всё ещё холодало. Может, долгое нахождение в могиле дало о себе знать? Ведь в ней я находился часов шесть, безостановочно откапываясь, потому что знал: остановлюсь – умру. У меня была обширная практика, и я стал докой в этом деле.

Проснувшись, я почувствовал странности в своём состоянии, поэтому высунул из листвы руку и, обнаружив своё новое воскрешение, выругался. Я уже привык ко всему этому постоянному оживанию, поэтому особо не обратил внимания, только порадовался, что все раны исчезли. Встав, я бодро огляделся и, сделав лёгкую разминку, адреналин буквально гулял по крови, направился к дереву и сушившимся вещам. Требовалось посмотреть их сохранность.

Первая новость: выводы оказались верны, это был не лес, а роща, которая фактически просматривалась насквозь. Вторая: со своим местоположением я не ошибся, неподалёку просматривались строения полевого стана и, кажется, угловатая коробка танка. Надо подойти поближе и внимательно осмотреться, а то деревья скрывают общую картинку.

Осмотр вещей показал, что можно использовать плащ-палатку, галифе и сапоги, но требовалось их предварительно отмыть и высушить. Надевать грязное я брезговал, но пришлось. Сам был не особо чистый. Найду речку, отмоюсь.

Естественно, прежде чем проверять одежду, я открыл кобуру и достал «ТТ» однако меня ждало разочарование, в пистолете отсутствовал магазин. Запасного тоже не было. Проверив ствол, я обнаружил, что и в нём патрона не было. Так что в кобуре у меня покоился пугач, если кого на испуг взять.

Штаны я не стал надевать, сунул ноги в сапоги, они были всё ещё мокрые, да и где их сушить? Плащ-палатку накинул на плечи, сверху галифе, чтобы сушились от тепла тела, ремень застегнул на поясе, сдвинув по привычке кобуру на ягодицы. Даже срам прикрыть нечем. Кутаясь в плащ-палатку, я направился к просвету, где заметил строения. Видно было плохо из-за деревьев и кустарника, однако если бы была листва, я бы стан вообще не разглядел.

Буквально через двести метров я сблизился с опушкой и, внимательно осмотревшись, не обнаружив посторонних, вышел на поляну. Фактически от стана мало что осталось. Одно наклонившееся набок строение со следами огня, остальные были разрушены. Подойдя к полузасыпанной ячейке, я заглянул в неё, покосился на пулемётный окоп рядом и пробормотал:

– Крепкие бои тут шли. Видимо, майор держал оборону до последнего...
Надеюсь, моих ребят он не погубил.

Перешагнув ячейку, я подошёл к порыжевшему и покрытому ржавчиной от времени танку. Это был БТ-7. Он когда-то горел, но взрыва боекомплекта не было, видимо, расстрелял всё во время боя. Наклонившись на один бок, расстелив одну гусеницу по земле, он с развернутой в сторону атакующего его когда-то противника башней стоял у капонира, застыв навсегда грозным памятником погибшим танкистам.

– А я тебя помню. Особенно этот шрам, – коснулся я вмятины на борту танка. – Ты из части майора Филатова... Сколько же прошло с того времени? Полгода? Год? Поёжившись – холод стал пробирать до костей, видимо, эйфория после нового рождения схлынула, – я потоптался на месте и, припомнив, где у нас был ручей, откуда повара и ординарцы брали воду, последовал в ту сторону. На опушке я остановился у окопа, где находилась раздавленная сорокапятка, также тронутая на сколах пятнами ржавчины, и, вздохнув, направился дальше. Костей видно не было, видимо, победители похоронили всех. Нужно будет чуть позже, прежде чем выбираться к людям, поискать их братскую могилу и проститься. Что ни говори, а воевали здесь мои боевые товарищи.

Беглый осмотр показал, что трофейщики на славу тут поработали, бросили только то, что не могли восстановить и отремонтировать. Остальное, видимо, планировали сдать на металл, но что-то не срослось, вот и осталось на месте боя тяжёлое повреждённое вооружение. Если мелочь какая и была, то её утащили местные. Искать что-либо полезное не было смысла, так что я сразу направился к ручью.

Ручей я обнаружил метрах в трёхстах от уничтоженного полевого стана и бывшей боевой позиции. Надо будет у местных уточнить, кроме всего прочего, что тут происходило.

Скинув все вещи, я, рыча, залез в воду по колени и, чувствуя, как от ледяной воды сводит ноги, стал быстро мыться, сдерживаясь от поскуливания. Изредка только прорывалось рычание.

Отмыл, особенно то, что было на голове, не волосы, а колтун слипшихся в один ком волос. Бросил в воду галифе и плащ-палатку, чтобы они отмокали. Вниз по ручью сразу же пошла серо-коричневая муть. Я стал бегать у берега, махая руками и подпрыгивая, чтобы согреться. Чуть дальше я обнаружил сугроб снега, который ещё не растаял.

Через десять минут я закончил с отогревом и, почесывая левую ногу – поцарапал её о кустарник, – вернулся к ручью. Снова требовалось лезть в воду и заниматься уже стиркой. С этим я закончил за пятнадцать минут. Конечно, особо чистыми вещи не стали, но хоть одеваться можно без особого омерзения. Выжав и повесив их сушиться на ветки деревьев, я достал из кобуры пистолет и стал отмывать его от грязи, после чего принялся за сапоги. Требовалось отмыть всё. Жаль, сухой тряпочки не было, оружие надо было держать в чистоте, а не как у меня – комок грязи, но чистить было нечем. Даже бывшие портянки на это не годились, я их сразу выбросил.

Закончив с помывкой, я ещё несколько минут позанимался, махая руками и бегая, чтобы согреться, после чего натянул прямо на голое тело сперва галифе, потом сапоги и, наконец, накинул сверху плащ-палатку. Застегнув ремень с кобурой, я побежал в сторону ближайшей дереvушки. Идти я уже не мог, просто замёрзну, а бегом шанс был, к тому же была надежда, что не только согреюсь, но и теплом своего тела подсушу одежду.

Время было вечернее, поэтому я заторопился, решив достичь дереvушки до наступления темноты. Я, конечно, не знал, какое сейчас время, но если всё ещё идёт война и эти территории оккупированы немцами, я мог с ними встретиться, ну или с полицаями-приспешниками. Мне этого пока было не надо.

К моему облегчению дереvушка оказалась на месте. Пара домов, что я помнил, пропали. Только закопченные печи показывали, что они тут были, но другие вполне целы, дымили трубами и помаргивали огнём свечей из окошек. Или лучин, мне было плохо видно.

Жаль, от рощи шли сплошные поля и укрыться в овраге или низине было нельзя. Ползти по полю на брюхе было глупо, всё равно заметят, если есть наблюдатель, поэтому, проанализировав ситуацию, я спокойно, по дороге направился к деревне, стараясь не скользить в грязи. После дождя не просохло и было скользко. Через километр у меня на сапоги налипла грязь, так что пока я добрёл до деревни по абсолютно пустой дороге, три раза счищал её веткой. Однако

ничего, дошёл.

Раздался лай, когда я ступил на улицу, и из ближайшего двора выбежала собачонка. Приближаться она не стала, а издали принялась опасливо и настороженно нюхать воздух. Посвистев, я подозвал собачонку. Та, подумав, подбежала, приветливо махая пышным хвостом, и с опаской встала рядом, готовая рвануть с места в спасительный двор. Присев, я погладил её и пробормотал:

- Хороший пёс, умница.

- Здравствуйте, - поздоровался кто-то со мной.

Повернув голову, я посмотрел в сторону дома, откуда выбежала собака. На крыльце стояла хозяйка и настороженно разглядывала меня. Это была женщина лет пятидесяти на вид, довольно плотного телосложения.

- Добрый вечер, - кивнул я, вставая и поплотнее запахиваясь в плащ. Ветер стал дуть сильнее, и меня подморозило. - Извините, не подскажете, где можно встать на постой?

- Из лагеря бежал?

- Можно и так сказать, - слегка кивнул я настороженно.

Новая информация порадовала меня. Хоть что-то. Значит, оккупация.

- Проходи, только быстро. Вечереет, на улице никого, но в крайнем доме полицаи живёт, там же ночуют его подручные, - сказала пожилая хозяйка, посторонившись, когда я проскользнул мимо неё в сени, а потом и в саму хату. - Двое их, не местные. Недавно застрелили командира. Лётчика. Все деревней его на кладбище хоронили, а те только посмеивались. На улице сейчас народу почему нет, именины у Федора, одного из полицаев, а он как напьется, так палить начинает. Чуть бабку Зую не убил насмерть, вот все и прячутся. Повезло тебе, что сегодня к нам зашёл.

– А когда они не пьют? – спросил я, проходя к столу. Хозяйка убрала кусок материи, открывая тарелки и плоски с едой.

– Кушай, вижу, что голодный, – велела она. – А гуляют они почти всегда, редко когда спокойно, да и то когда они уезжают к старосте в Народичи.

Всё это я слушал, пока сердобольная женщина, видя, во что я одет, стала ворошить сундуки. При этом наблюдая, как я быстро ем крупную варёную картошку, не забывая посыпать её солью, вприкуску с хлебом и тонкими ломтиками сала, она только горестно качала головой.

– У нас тут санчасть стояла в прошлом годе, когда бои шли, много что осталось, немцы не стали забирать. Обычной одежды не осталось, но вот солдатская есть.

– Пойдёт, – кивнул я, после чего, быстро прожевав, добавил: – Мне бы командирскую форму. Командир я.

– Это есть, у меня раненые лежали, немцы их потом увезли, когда в плен взяли. Форма-то их осталась.

– А документы, имена-фамилии помните?! – быстро спросил я, вставая из-за стола. Хозяйка жила одна и, судя по количеству выложенной на стол еды, готовила только для себя, поэтому я не стал сметать всё, а оставил и хозяйке повечерять, как тут говорили.

– А чего не помнить. Помогала ухаживать, письма с их слов писала родным, – ответила хозяйка, доставая из сундука несколько комплектов аккуратно сложенной формы. – Некоторые вот не успела отослать.

– Повезло мне с вами, сразу форма нашлась, – вздохнул я, проверяя френчи.

– Да она во всех домах есть. Везде раненые лежали. Только три хаты спалили, когда бои тут были. Я в погребе пряталась, страху натерпелась... Вот, посмотри.

– Это капитанская, а я старший лейтенант. Иголка с ниткой есть? Я петлицы перешью, по размеру мне этот френч... А шинели есть?

– Солдатские есть, три штуки. Было четыре, так я одну для себя перекроила. Хорошая вещь, но дождя боится и сушится долго.

– Это да, – согласился я.

Стянув влажные сапоги, я поставил их за печку, чтобы они сушились, после чего, подобрав материю для портянок, натянул на себя солдатское белье, поданное хозяйкой. Наконец я почувствовал себя сытым и в тепле.

– Ирина Васильевна, у вас бритва и ножницы есть? – спросил я, тронув куцую бородку и волосы на голове. Нужно было постричься и побриться. Наверное, и голову тоже побрею.

– Бритва есть, но тупая, править надо, а ножницы я сейчас принесу... Ты в баньку хочешь сходить?

– А она есть?

– У Фёдоровны, через дом от нас. Она сегодня топила.

– А полицаи?

– Не любит она их, ох как не любит. Свинью у неё забрали и бычка. Ночью они по деревне не ходят, напьются и спят.

– Понятно. Тогда можно насчёт баньки поговорить.

Хозяйка ушла к соседке договариваться насчёт бани, а я сел у обломка зеркала и, поправив на ремне бритву, стал мылить лицо, поглядывая на своё отражение. Ничего там не изменилось, такой же молодой паренёк, только давно не бритый и не стриженный.

У хозяйки насчёт местных боёв и времени, когда они шли, то есть какая сейчас дата, не спрашивал. Время ещё есть, спрошу. Не хотел своим незнанием и странными вопросами наводить на подозрения. И так удивительно, что она вышла и позвала меня в дом.

Я как раз только закончил подравнивать волосы по бокам – побриться я уже успел, посадив два пореза – как дверь внезапно распахнулась и в комнату ввалились трое мужиков. Один был в чёрной гражданской одежде с белой повязкой на рукаве, двое других в красноармейской форме со споротыми нашивками. Я же сидел в солдатском белье, и кроме ножниц, в руках у меня ничего не было, поэтому покосившись на них, укоризненно посмотрел на хозяйку и покачал головой.

– Вот, сынок, ещё один, – сказала та здоровому бугаю в чёрном, что насмешливо смотрел на меня. Двое его дружков держали меня на прицеле винтовок, а у этого карабин висел на плече. Кроме того, на животе полиция была кобура. С «наганом» – как профессионально определил я. – Сказал, что командир, старший лейтенант. За него много дадут?

– Двадцать марок в комендатуре дадут, поделюсь, – кивнул старший полицай.

Аккуратно положив ножницы на столешницу, я повернулся на табурете, глядя на них.

– Что же вы так, Ирина Васильевна? Раз – и продали? – спросил я.

– Жить как-то надо, – пожала та плечами. – Да и сыночку своему средненькому вот помогаю. Он у меня уже старший полицейский. Уважением у старосты и немцев пользуется. Сам герр майор его хвалил.

Такой простой ответ несколько удивил меня. Покачав головой, я ответил:

– В таком случае всё, что вы сделали, вернётся к вам сторицей.

– Не хами, – пробасил сынок хозяйки. – Встать!

Встав, я поднял руки, наблюдая, как ко мне приближается Федор. Особо я их не боялся. То есть вообще. Да и что они мне сделают? Убьют? Очень смешно.

– Руки-то опусти, – с благодушной улыбкой велел приближающийся громила, доставая из левого кармана своих чёрных брюк обрывок верёвки. – Обращиваемся, руки за спину.

Последнее было сказано каким-то привычным тоном. С интересом осмотрев Федора, я спросил:

- Где служил? В тюрьме?

- Конвойная рота, - ухмыльнулся тот.

Один из его подельников опустил ствол винтовки и, поставив приклад на пол, сложил руки на стволе, скучающе глядя на нас. Второй тоже направил винтовку в пол, держа её на сгибе руки, так как этот самый Федор перекрыл им траекторию стрельбы. Стрелять они теперь в меня могли только через него.

- Непрофессионально, - сказал я, даже не думая поворачиваться и дать себе связать руки сзади, когда полицейский встал рядом.

- Что? - удивлённо спросил Федор.

- Своим подручным ты траекторию перекрыл и развязал мне этим руки.

Это в фильмах герои забалтывают противников, мне же это было нужно, чтобы полицейские расслабились, пока я размышлял над ситуацией. В принципе план действий у меня сформировался, ещё когда они ввалились в хату, так что действовать я стал сразу же, как произнёс последние слова.

Ударив стопой босой ноги по опорной ноге Федора и этим поставленным ударом ломая ему малую берцовую кость, мгновенно схватил со столика ножницы и метнул их в глаз одному из подручных, тому, что стоял слева с винтовкой в руках. Почти сразу же рванул к третьему. Между нами было расстояние метра четыре, так что тот даже не успел вскинуть винтовку, как она была отбита в сторону, и он захрипел, пуская пузыри разорванным горлом.

Бросив на пол вырванную гортань, я хмуρο покосился на впавшую в ступор хозяйку и склонился над вторым полицейским, над тем, что получил ножницы в глаз. К моему удивлению, тот не помер, хотя лезвия вошли глубоко, и, держась за голову, вылез на полу. Ухватив его за многострадальную голову, я резким рывком повернул её, ломая шейные позвонки, после чего метнулся к Федору. Тот уже почти оклемался, карабин у него находился за спиной, поэтому он доставал

из кобуры «наган», с ненавистью глядя на меня.

– Не балуйся, – строго велел я ему, выворачивая пальцы и отбирая оружие. После этого я освободил его также от карабина, банально отстегнув ремень и выдернув его из-под туши полицаю. Карабин отправился в угол, а вон «наган» я оставил. В тесной избе это самое предпочтительное оружие.

Быстро и привычно проверив его, взвёл курок и, указав стволом на хозяйку, спросил:

– Так что там с баней? Или ввали?

– Есть баня, не вала, – несколько заторможенно кивнула она. Как бандерлоги глядели на удава Каа, так же она не сводила взгляда с дула револьвера.

– Это хорошо. У вас заплечный мешок есть?

– Сидоры солдатские.

– Нужно набить их до отказа продовольствием. Нескоропортящимся. Крупами там, солёным салом, сухарями. Есть?

– Ты нас убьешь? – прямо спросила хозяйка. Похоже, она уже пришла в себя и начала мыслить. При этом продолжала стоять, со злостью глядя на меня и с жалостью – на сына.

– Сына вашего – да, насчёт вас ещё не решил, – честно ответил я и ударом ноги свалил Федора обратно на пол, отбирая у него классическую финку, что он достал из-за голенища сапога. – Сказал же, не балуй.

– Сын он мой, кровиночка.

– Воспитали подонка, так держите ответ, – рассеянно ответил я, разглядывая клинок. Он мне понравился, поэтому я отошёл в сторону и положил его на стол. Заберу с собой. – Отойдите к сыну, чтобы я вас видел обоих.

Проследив, как мать с опаской подошла к сыну и захлопотала над ним, я отошёл к убитым полицаям, снял с них ремни с амуницией и убрал винтовки в сторону. У одного полицая в кармане красноармейских галифе нашлась граната, классическая «лимонка». Выдернув ножницы из глаза убитого, вытер лезвия о его же форму и положил на стол. Они мне понравились, тоже заберу с собой.

Одеваться я не торопился, всё так же оставаясь в одном исподнем, хотя форма капитана висела на открытой крышке сундука. В доме тепло, печь была горячей, протопленной, так что чувствовал я себя вполне комфортно.

Подхватив табуретку, – та первая, на которой я сидел и брился во время прихода полицаяев, находилась в зоне досягаемости Федора, не хотелось бы давать ему такой шанс, вот я и воспользовался вторым и последним табуретом, – я поставил её у стола и, проверив мыльную воду в крынке, поморщился. Та успела остыть. После чего, сев, с интересом посмотрел на языков, мысленно прикидывая, с каких вопросов начинать.

– Ну что, граждане предатели Родины. Хотелось бы выслушать ответы на несколько заданных вопросов. И первый из них: какой сейчас год, месяц и день. Второй: где мы находимся? Ну а третий самый простой. Один я такой попал к вам в сети, или ещё кто есть? Про лётчика наврали или действительно грех смертоубийства на себя взяли? Давай, Федор, изливай душу.

Последний вопрос я задал не просто так. Больно уж отработано всё это было. Ловушка явно не первый день действует. Да и правильно, куда подадутся окруженцы или беглецы, если не к крайнему дому на окраине деревушки? Не знаю, кто придумал посадить тут мать Федора, но продумано всё было хорошо. Думаю, и дом им не принадлежит: или выселили хозяев, или похоронили.

– Меня Григорием зовут. Федор вон, у порога лежит, – хмуро ответил старшой.

– Хм. Твоя мама сказала, что Федор гуляет, думал, это ты. Ошибся, бывает. Давай, Гриша, изливай душу. Или хочешь, чтобы я полевой допрос провёл? Знаешь, что это такое?.. Тем более. Валяй, я жду.

Задавая наводящие вопросы, я внимательно слушал Гришу. По первым вопросам ответ был такой. Вылез я из могилы действительно там, где и погиб. То есть информация подтвердилась. Подсчитав, сколько прошло времени с того

момента, я понял, что пролежал в могиле порядка девяти месяцев. Ха, заново родился! Сегодня был вечер четверга шестнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок второго года. О фронтах Гриша знал только со слухов. Киев немцы всё-таки взяли. Правда, с большими потерями, и не было того огромного котла. Было три, но меньше. В одном сгинули войска в количестве полутора сотен тысяч бойцов и командиров, в двух других – общим счётом около семидесяти тысяч. Остальные отошли и создали новую линию обороны, встав на защиту Москвы. Немцы дважды прорывали их, и фронт всё откатывался и откатывался к столице. Когда ударили морозы, немцы находились в ста пятидесяти километрах от столицы, бросая в бой всё, что было под рукой. Для них был в тот момент только один выбор: всё или ничего. Как и в моём мире, тут тоже был удар советских дивизий с Дальнего Востока, которые отбросили немцев на пару сотен километров. Сейчас шла позиционная война, обе стороны накапливали резервы. Крым немцы взяли. Одесса тоже пала под их ударами, но гораздо позже. В общем, несмотря на моё вмешательство, по сути ситуация была всё так же тяжёлой. Про Ленинград вот только узнать не удалось, о нём Григорий ничего не знал.

– Подождите, – помотал я головой от удивления. – Что вы сказали?

– Я говорю, что лётчика мы поймали у рощи. Он там костёр развёл и грелся.

– Это я понял. Ты про крики рассказывай.

– Крики? – задумчиво переспросил Гриша и поморщился, невольно пошевелив сломанной ногой. – А что крики? Дедок один поехал на санях в рощу, нарубить веток, дрова у них к концу стали подходить, так услышал вой из-под земли и утёк. Всем рассказал про это. Так что местные к роще, а тем более к стану теперь и близко никто не ходит. Боятся, что чудище из-под земли вылезет и их утащит к себе.

– Давно это было? – спросил я, смущённо почесав щеку.

Ну да, пару раз я впадал в панику, пока характер не закалился до состояния кремня. Видимо, в один из этих периодов и попал дровосек.

– Давно, в январе.

- Понятно. Теперь давай про лётчика. Что там с ним?

- Да ничего, подошли, винтовки наставили, разоружили... Прикладами... и повели сюда. Сейчас у меня в сарае сидит, ждём, когда погода наладится, чтобы его в комендатуру отвезти.

- Так он здесь, значит? - протянул я.

- Здесь, - хмуро бросил Гриша.

- Ясно. Значит, так, сейчас я тебя связываю и иду с Ириной Васильевной к месту содержания лётчика. Пусть покажет, где он заперт. Надеюсь, сюрпризов не будет и вас действительно в деревне только трое, нет четвёртого?

- Трое нас, - с некоторой отстранённостью бросил Гриша.

Отошедшая от сына Ирина Васильевна вдруг бросилась на меня, решив своей массой сбить с ног, а там и сынок подоспеет. Почти сразу я ушёл в сторону, спуская крючок «нагана».

Это сопротивление немецких холуев меня даже порадовало, да и зря, что ли, я открылся для нападения? Между прочим, специально это сделал. Парня мне было не жаль, казню без проблем, но вот с женщиной я так не мог. А тут всё решилось само собой. Получив пулю в лицо, та вошла точно в переносицу, женщина рухнула, упав слева от меня, а я направил ствол на Гришу, который на четвереньках пытался добраться до меня следом за матерью, и трижды спустил курок.

Помахав рукой, разгоняя дым сгоревшего пороха, я проверил, есть ли пульс у семейного подряда, провёл контроль Грише - тот ещё дышал - и, зевнув, подошёл к столу и взял из миски солёный огурчик.

Особых моральных терзаний от уничтожения этой мрази я не испытывал. Во-первых, накрутил себя, думая о пользе этого дела. Во-вторых, я фронтовик. Брать на себя ответственность и действовать умею.

Добив огурчик, был он очень даже неплох, я подошёл к сундуку. Перешагнув лужу крови под Гришей, и взяв командирские синие галифе, надел их. Надо бы, конечно, красноармейское взять, да перешить на гимнастёрку петлицы согласно моему званию, но подождёт. Как я понял, лётчик фактически на улице пережидал в сарае третий день. А это непростое дело, уж поверьте мне.

Надев френч, я застегнул свой командирский ремень, на котором была кобура Гриши, убрал её назад, после чего привычным жестом согнал туда же складки. После этого, достав из-за печки сапоги, проверил. Они всё ещё были сыроваты, однако у убитых был не тот размер, я уже проверил, поэтому, намотав портянки, надел свои. Ух, чую, намучаюсь я их потом снимать, уже знаю, проходил.

Кроме шести пилоток, правда, без красноармейских звёздочек, я нашёл две фуражки. Немного мятые, но хоть что-то. Обе были с пехотным околышем. Выбрав ту, что подходила по размеру, надел и проверил, как я в форме. Смотрелось нормально, настоящий кадровый командир с отличной выправкой. Повесив на правое плечо обе винтовки и карабин Гриши, на левое набросил все три ремня, снятые с полицаев. Оставлять оружие в хате без присмотра не хотелось. Ничего, не соломинка, не переломлюсь всё таскать на себе.

Кобуру со своим «ТТ» я сунул в найденный за печкой мешок с заплечными ремнями. Туда же отправились горбушка хлеба и небольшой шмат сала – всё, что осталось. Прежде чем покинуть деревню, надо будет хорошенько обыскать эту хату и особенно ту, где проживали полицаи. Думаю, я изрядно обогащусь средствами выживания на оккупированной территории. Это я не только про оружие, но и про продовольствие. Финку сунул в сапог, ножницы тоже не забыл, убрал их в мешок, прежде завернув в запасные портянки.

Оставив убитых в доме, я накинул на себя высохшую плащ-палатку, надев сверху капюшон – на улице снова заморосил весенний дождик – направился по улице на другую сторону деревни, внимательно разглядывая хаты и особенно бани. Как ни странно, но на улице всё так же отсутствовали жители. Заметив, что из трубы одной из бань поднимается тепло – там свет преломлялся, это было видно, – я открыл калитку и громко крикнул-спросил:

– Хозяева! Есть кто дома?

Эти территории были оккупированы, и для меня уже всё казалось опасным, поэтому, несмотря на висевшее на плече оружие, я держал в руке перезаряженный «наган», укрыв его полкой плащ-палатки. В окне мелькнуло бледное старческое лицо, хозяйка с близоруким прищуром посмотрела на меня, после чего исчезла. Через пару секунд скрипнула входная дверь, и оттуда зашипели, стараясь не повышать голос:

- Уходи, полицаи тут, они всех хватают, потом немцам отдают.

«Смотри-ка, разглядела!» - с весельем подумал я.

- А сколько их? - на всякий случай спросил я.

- Трое бандитов да мать одного. Совсем извела карга нас, житья не даёт.

- Тогда всё в порядке, бабушка. Померли они.

- Как так? - спросила бабушка и вышла на крыльцо, больше не прячась за дверь. Теперь я смог её разглядеть. Хотя смотреть там было не на что, обычная старушка в чёрном платке и старой серой одежде с когда-то белым передником.

- Побил я их. В хате у Ирины Васильевны лежат. Я что к вам зашёл, у вас банька натоплена... Разрешите воспользоваться? - Конечно-конечно, - засуетилась старушка. - Сейчас я её подтоплю.

- У меня ещё одна просьба. Вы не подскажете, в каком доме жили немецкие приспешники и где содержат пленного лётчика?

- Ванька! - вдруг закричала старушка. - Ванька! Подь сюды!

В хате что-то упало, и через несколько секунд на пороге появился паренёк лет шестнадцати-семнадцати на вид.

- От этих прячу. Увезти его хотели, - пояснила мне старушка и тут же скомандовала пареньку: - Помоги командиру.

- Хорошо, бабушка, - кивнул тот. - Пойдемте, товарищ капитан.

– Старший лейтенант. Это не мой френч, – поправил я его, а когда мы отошли от дома, спросил: – Как бабу-то зовут?

– Глафира Ивановна. А меня Иваном Ранет. Курсант артиллерийской школы Иван Ранет, – вдруг вытянувшись сообщил паренёк. – Товарищ старший лейтенант, заберите меня с собой. Я хорошо стреляю.

– А бабушка? Как ты вообще тут оказался?

– Эшелон, на котором нашу школу эвакуировали, разбомбило. Меня контузило и в ногу ранило осколком, когда лечился в госпитале, попал в окружение. Недалеко отсюда. Вот и добрался. Трудно было с раненой ногой-то, но смог, подвозили на телегах... А бабушка поймёт. Она у меня, вон, видели, какая? Бригадиром была. Только этих боялась, они ведь, как бандиты, во всё стреляли. Вечером и ночью запрещали выходить из домов. Троиخ убили. Деда тоже, вот бабушка и боится за меня... А я всё равно к фронту уйду. Два месяца уже ночами хожу, ногу разрабатываю. Я и форму сохранил, до бабушки в гражданской добирался, тогда тут везде немцы были.

– Посмотрим, – рассеянно ответил я, останавливаясь у калитки и спрашивая: – Этот дом?

– Этот. Я близко не подходил, издали смотрел, да и то ночью. Прятался, они шестерых из деревни отправили в Германию, молодых отлавливали. Тут дом, конюшня и два сарая. Где держат лётчика, я не знаю. У них псина во дворе очень злая, сразу гавкать начинает, так что не подберёшься. Подачки не берёт.

– У них лошадь есть? – заинтересовался я.

– Даже две, и корова ещё. У соседей отобрали.

– Корову вернём.

Совсем уже стемнело, хотя из-за низких свинцовых туч и так ничего не было видно, когда я, откинув щеколду, вошёл во двор и направился к дому, держа в руках револьвер. Сбоку зазвенела цепь, и Иван испуганно дёрнулся в сторону. Раздалось глухое рычание.

- Не бойся. Цепь короткая, не достанет, - сказал я, мельком посмотрев на пса.

Здоровая псина стояла у собачьей будки и недобро поглядывала на нас, но нападать не спешила, так и пропустив к дому. Подойдя к крыльцу, я прислушался.

- Стой тут и не шуми, - тихо велел я Ивану.

Сбросив с плеча ношу - оружие и ремни с боезапасом, оставил горбом на спине мешок и, держа наготове «наган», скользнул в неосвещённую хату.

Когда я вышел, Иван, державший в руках карабин, испуганно дёрнулся от неожиданности, отчего пришлось перехватывать оружие за ствол, чтобы тот не ткнул им меня.

- Оружие - это не игрушки, - сказал я, но карабин забирать не стал.

- Пусто?

- Людей нет, но вот вещей... Барахольщики. Пошли, осмотрим сараи. Поглядывай вокруг, мало ли.

В конюшне были обнаружены дремлющие на соломе лошади да корова, из соседнего помещения доносилось бляение. Пройдя к следующему строению, я обнаружил, что там был сеновал, крышка погреба и небольшой склад оружия, видимо, собранного на поле боя. В основном оружие было повреждено, из трёх десятков единиц, я не обнаружил ни одной целой. Снова огонь догорающей спички лизнул пальцы, и я махнул ею, гася. Осталось последнее строение, небольшой сарай.

Иван сторожил двор, охраняя тылы, так что действовал я один.

На двери был замок, и я понял, что мы на верном пути. Тремя ударами приклада винтовки сбив замок, я распахнул ворота, вглядываясь в темень, что стояла внутри. Заходить было опасно, если лётчик в порядке, он может атаковать. Его состояние я не знаю, хотя Гриша сказал, что его «слегка» попинали.

- Эй, есть тут кто? - спросил я.

В ответ была тишина, но внимательно прислушавшись, я вдруг различил хриплое дыхание больного человека.

- Вот чёрт, - быстро зашёл я в сарай и зачиркал спичкой. Склонившись над бесчувственным телом парня лет двадцати двух на вид, я потрогал его лоб и, погасив почти догоревшую спичку, позвал Ивана:

- Курсант, давай сюда.

- Что случилось, товарищ старший лейтенант? - подбежал тот ко входу в сарай, пытаюсь разглядеть, где мы.

- Лётчик болен, жар у него. Похоже, простыл тут. Грузим его на плащ-палатку и несём к твоей бабке. Там банька, вылечим.

- В баню ему сейчас нельзя. Жар надо сбить, - резонно ответил Иван, подходя ближе и помогая мне перевалить на плащ-палатку тяжёлое тело лётчика.

- Там разберёмся. У вас кто в медицине понимает?

- Была бабка одна, травами лечила, так её Гришка в хате запер и подпалил, сгорела она.

- За что он её так?

- Говорил, что ведьма.

- Понятно. Ну что, берём?

- Берём.

Взяв за края плащ-палатку, мы вынесли лётчика и понесли его по двору, в обход собачьей будки, на улицу. Там дальше заторопились в сторону бабки Ивана. Надеюсь, у неё найдутся средства, чтобы помочь парню. Мы вполне могли

опоздать и прийти к нему на помощь слишком поздно.

* * *

Заметив, как на крыльцо вышел наш больной лётчик, поддерживаемый сбоку бабкой Глафирой, я заторопился к ним, прижимая приклад винтовки к бедру, а то ремень всё норовил скользнуть с плеча.

– Здорово, летун. Рад, что ты очнулся. А то я уже бояться начал. Три дня в сознание не приходишь, четвёртый пошёл.

Лётчик, а вернее штурман дальнебомбардировочного полка лейтенант Захаренко, как я узнал из его документов, слабо улыбнулся и с блаженной улыбкой посмотрел на солнце, что жарило сверху. Второй день, как погода нормализовалась, дороги начали высыхать, да и на улице было достаточно тепло. Вон, я в одной гимнастёрке ходил, хотя дня три назад без шинели на улицу и не выходил.

– Вроде ничего себя чувствую, товарищ старший лейтенант, но сил совсем нет. Спасибо, что освободили меня из плена.

– Да чего тут, братишка, мы оба с тобой фронтовики. Командиры Красной Армии, – весело хлопнул я его по плечу и присел рядом на ступеньку крыльца. – Неужто не слышал про фронтовое братство? Сам погибай, но товарища выручай. Взаимовыручка между родами войск является залогом победы. Ничего, оклемаешься – двинем к фронту. Пора уже, и так тут задержались, слухи могут пойти, а нам этого не надо.

– Лейтенант Захаренко, Игорь, – протянул руку штурман. – Штурман эскадрильи.

– Я в курсе, нашёл твои документы среди барахла полицаев. Потом отдам, – ответил я, пожимая ему ладонь. – Думаю, обо мне уже Глафира Ивановна рассказала. Старший лейтенант Громов, Виталий Александрович, бывший командир пулемётной роты стрелкового полка.

– Не особо много успела рассказать. Я всего два часа, как в себя пришёл.

- Ты вчера глаза открывал, потом уснул, мне уже доложили.

- С какого месяца воюете? - сменил тему летун, продолжая греться под лучами солнца.

- С двадцать второго июня сорок первого года, - сняв пилотку, ответил я, поглаживая жёсткий ёжик волос. - Кадровый я. Моё подразделение сбило из зенитки штурмовик в первый день войны, на следующий день повредило второй. А первый бой был двадцать восьмого июня. Хорошо мы тогда немчуру из засады накрошили...

В это время раздался крик:

- Товарищ старший лейтена-а-ант!.. Еду-ут!..

- Кто это? - дёрнулся лётчик.

- Сиди спокойно, - успокоил я его. - Пока я тут в деревне собирался к отходу, то успел набрать людей в отряд. Правда, пока из двух человек. Меня и внука бабки Глафиры. Курсант артиллерийской школы оказался. Полезный паренёк. Сейчас он на НП находится, отслеживает ситуацию на обеих дорогах, что ведут в деревню. Во-он с той крыши.

- Немцы едут?

- Может, и они, - рассеянно ответил я, вставая и отряхивая штаны. Одет я был в гимнастёрку красноармейца, но со знаками различия старшего лейтенанта и стрелковыми эмблемами. Только они да кобура с пистолетом на боку выбивались из образа. А так с виду самый настоящий красноармеец, у меня даже каска была закреплена сбоку. Я же говорю, эти полицаи были изрядными барахольщиками.

- Сюда!.. - продолжал надрывать Иван. - Восточная дорога!..

- Ну вот, хоть указал, откуда едут. Учишь их, учишь, - проворчал я и, подхватив прислонённую к крыльцу винтовку, направился к калитке, но сделав пару шагов, остановился, крикнув возившейся у сарая хозяйке: - Глафира Ивановна, мы уезжаем через пару часов, подготовьте лётчика. Хорошо?

– Хорошо, – кивнула та и, горестно вздохнув, направилась к крыльцу, где штурман, цепляясь за перила, пытался встать.

– Я помогу, – упрямо склонив голову, известил тот.

– Сиди, помощник, у меня три дня было, чтобы создать тут оборону. А в этом я неплохо разбираюсь, уж поверь мне. Вряд ли там большая группа, отобьёмся. Лучше готовься к транспортировке. Через часок Иван подгонит к вам телегу, будете грузиться. А сейчас извини, мне спешить надо.

Выйдя на улицу, я быстрым шагом поспешил в сторону восточной дороги. Похоже, комендачи объезжают владения и собирают дань, пользуясь тем, что дороги просохли – именно в той стороне находилась комендатура. Что ж, встретим их со всей широтой русской души, я действительно успел подготовиться к их приходу.

Шагая по улиц... С НП было видно на восемь километров обе дороги, тем более с биноклем, так что пока немцы подъезжают, я успею занять позицию. Так вот, торопливо шагая по улице, я с улыбкой вспоминал, как прошли эти три с половиной дня. Надо сказать, прошли они очень даже хорошо для меня, с прибытком. Теперь у меня было с чем двинуться к фронту. Запасов было подготовлено достаточно.

К тому времени, как мы доставили лётчика к бабушке Ивана, было уже совсем темно, ничего не было видно, поэтому я оставил осмотр обоих домов на завтра.

Внука Глафира Ивановна отправила по соседям, чтобы привёл помощь, – бабульки они с большим жизненным опытом, помогут – а меня послала в баню. В прямом смысле этого слова.

Банька была подтоплена, и я почти полчаса просидел на полке парилки, чувствуя, как открываются поры на коже от жара, что шёл от каменки. Я натуральным образом отогревался. Кто побудет под землёй несколько месяцев, откапываясь, тот меня поймёт. Чуть позже ко мне присоединился Иван и, подлив водицы на каменку, стал приготавливать замоченный в медном тазике веник.

Так что мы с Иваном хорошенько попарились, даже похлестали друг друга берёзовым веником. Там же в предбаннике при свете двух свечек, что я взял из

хаты полицаев, он меня наголо побрил, как ни удивительно при отсутствии опыта, даже не порезав.

Насчёт того, что в оба дома залезут воры, Иван меня успокоил: в деревне жило всего тридцать человек, да и то или древние старушки, или детишки до двенадцати лет, а последним как раз матери или бабушки не дадут сделать такую глупость. Да и по домам они сидят вечерами и ночами. Так что выпались мы спокойно.

Утром, когда Иван ушёл к хате полицаев – я его отрядил туда на пост, в часовые, – Глафира Ивановна подошла ко мне и поинтересовалась судьбой своего внука. Я рассказал ей о его желании.

Та горестно повздыхала и попросила забрать внука с собой, пояснив, что не сможет долго его прятать, немцы изведут. Или сам что натворит. Когда после тяжёлого ранения он восстанавливался, ещё спокойным был, а как ходить начал, только, мол, и разговоры о том, что уйдёт к фронту и будет бить немца.

– Хорошо, возьму, раз вы отпускаете его, – кивнул я, вставая из-за стола. – И прослежу, постараюсь, чтобы он не сгинул, но тут вы сами понимать должны, война.

– Я понимаю, но тут я его не удержу, а сам он дойти не сможет. А вот вы справный командир, я это сразу поняла.

– Благодарю, – кивнул я вставая. На сегодня у меня было запланировано множество дел, так что следовало поторопиться. – Как там лётчик?

– Бредит, – вздохнула старушка. – Сейчас с ним Лиза сидит, соседка моя, холодные примочки на лоб ставит, жар у него... Я что ещё спросить хотела. У побитых полицаев живности в сараях много, почти всё там наше, отобранное.

– Кроме лошадей и нескоропортящихся продуктов, всё остальное планирую раздать местным жителям, – ответил я, застегивая ремень и проверяя, как висит кобура.

– Там мне кинуть клич, что будет раздача? – встrepенулась старушка.

– Конечно, только чуть позже, сперва нужно проверить и записать всё, что они награбили. Пусть подходят к дому полицаев часам к девяти. Я ещё спросить хотел, полицаи местные были?

– Гришка с матерью да, а остальных я не знаю. У Ирки-то трое сыновей. Старший, командир Красной Армии, воюет где-то, среднего, Гришку, вы побили, а младший в Москве учился. Сейчас даже не знаю, где.

– Понятно. Созывайте людей. Я сперва к дому схожу, где убитые лежат, осмотрю его, потом к дому полицаев подойду, пусть пока за калиткой ждут, потом начнётся распределение живности и продуктов.

– До драки может дойти, есть у нас пара склочных баб, – к моему удивлению, весело хмыкнула старушка.

– Ну-ну.

Глафира Ивановна как в воду глядела. Когда я собрал совет из трёх самых уважаемых жителей деревни, что начали выдавать людям продукты и живность, стали разгораться споры. Вела их одна женщина лет сорока, ещё одна поддакивала, остальные больше молча благодарили и забирали выданное, после чего некоторые возвращались в надежде, что найдутся их вещи. Полицаи не только продукты забирали.

В конюшне находились три коня, одного сразу забрали хозяева, я был не против. Но двух других, верхового и тяглового, я забрать не дал, мне они были нужны самому. Корова и прочая живность сразу разошлись по рукам, и Глафире Ивановне достались шесть курочек с петушком и молочная коза. Это была её живность, однако она убивалась о корове, которую полицаи осенью увели в райцентр и сдали комендатуре.

Потом началась дележка вещей. Всё армейское я сразу убрал в сторону и, пока деревенские делили остальное барахло, что мне было не нужно, сидел на табурете у сарая, поглядывая на весеннее небо, и на вынесенном из дома столе перебирал ручной пулемёт. Рядом занимался разборкой пулемёта «Максим» Иван. Он его хорошо знал. Оказывается, во время учебы на артиллериста он что-то натворил, и его инструктор на месяц прикрепил к одному из учебных пулемётов. Так что он эти «Максимы» теперь знал от и до.

С этими пулемётами были проблемы. Ручник, который я нашёл в хате под койкой, был не пехотный, ДП, а танковый, то есть ДТ. К тому же к нему было всего два диска на шестьдесят три патрона каждый. Мне его компактные размеры, пистолетная рукоятка и выдвижной металлический приклад понравились, и я решил его использовать как личное оружие. Однако полицаи, доставая его из танка, подзабыли о сошках или не знали о них, так как их в хате я не нашёл, видимо, остались в раскуроченном танке, откуда вытащили пулемёт.

В сарае среди оружейного хлама Иваном был найден ещё один ручник, ДП, неремонтопригодный, но зато с сошками. Так что я их скрутил и прикрепил к своему пулемёту.

После этого мы совместно занялись «Максимом». Проблемы с ним были, причём более серьёзные, чем с моим ДТ. У него не было станка и щитка, хотя последний и не особо нам нужен. Но без станка стрелять было проблематично. Не с рук же.

Пришлось поломать голову. Станок я решил сделать деревянным, надолго его, естественно, не хватит, но хоть что-то. Пока Иван столярничал, создавая станок, я занялся другой работой. Несколько комплектов формы, что я принёс из дома, где лежали убитые полицаи и их пособница, были свалены в доме изменников. Так что я занялся подбором формы. Подобрал себе и Ивану. К вечеру мы закончили.

Не думайте, что всё это время мы находились без присмотра. Да, погода начала налаживаться, и за тот день не было ни капли дождя, однако об опасности прибытия немца я знал, вернее, предполагал, поэтому отрядил наблюдать за обеими дорогами двух мальчишек лет по десять.

К вечеру я и Иван переоделись в красноармейскую форму. У меня в петлицах были кубари старшего лейтенанта и пехотные эмблемы, у Ивана только эмблемы.

С помощью барахольщиков-полицаев мы полностью оснастились. Были фляжки, котелки, ремни и другая амуниция, включая каски. Даже красноармейские звездочки на пилотки и мою фуражку нашлись. Я их обнаружил в шкатулке вместе с пачкой удостоверений в сундуке у койки, которую ранее, видимо, занимал старший полицай Гриша. Там же были обнаружены документы штурмана.

Именно эта находка и дала мне возможность не только подумать о будущем, но и спрогнозировать его. В шкатулке находились удостоверения командиров, но, к сожалению, ни одно из них не подходило мне. Было одного старшего сержанта-пограничника, но мне не подходило. Я старший лейтенант, и заслуженное в боях звание менять на другое не собирался. У меня свои принципы.

Так что пришлось придумать свою версию нахождения в этой деревне, и что я делал эти девять месяцев на оккупированной территории. Через некоторое время план у меня сформировался. Только вот с воинской специальностью пришлось поломать голову, но чтобы особо не выделяться, я решил выбрать себе должность командира пулемётной роты. Тут я разбираюсь и могу командовать. Старший лейтенант Фролов погиб, и тому множество свидетелей, так что он возродиться просто не может. Нет, теперь на свет появился старший лейтенант Громов, Виталий Александрович, бывший командир пулемётной роты. Только имя с отчеством я оставил своё, родное, остальное выдуманное. Хотя часть эта воевала рядом с нами и командиров в большинстве своём я знал. Так что тут меня не подловишь на вранье. Этот стрелковый полк входил в сто третью дивизию, которой тогда командовал и. о. командира подполковник Прохоров, с которым я со своим дивизионом выходил из окружения. Правда, потом наши пути разбежались, но я точно знал, что эта пулемётная рота погибла ещё до нашей встречи. У меня была возможность поспрашивать командиров дивизии об их боевом пути.

На следующий день мы на телеге отправились в поле, и хотя появилось солнце, прогревающее наши спины, отчего пришлось скинуть шинели, дорога ещё не просохла. Но мы ехали недалеко, так что потерпим. Направлялись мы в небольшой распадок, низину, где собирались проверить всё своё оружие. Я даже свой «ТТ» привёл в порядок и среди безобразно сложенного боезапаса нашёл к нему не только патроны, но и пару магазинов. Был и третий, но мятый. Ещё среди вооружения нашлась и кобура с таким же «ТТ», что принадлежала штурману. Её я планировал вернуть чуть позже. Всё же личное оружие.

Сперва мы отстреляли лёгкое стрелковое вооружение. Из ТТ и «нагана» я выпустил по десять патронов, потом пострелял из винтовок Мосина, трофеев, снятых с полицаев, а Иван стрелял из своего карабина, который я за ним закрепил.

Потом я выпустил полдиска из ДТ, который бил довольно кучно и изрядно меня порадовал своей хватистостью. Я даже ремень к нему прикрепил, сняв с одной из винтовок, и стал носить его, чтобы он висел на боку. В таком положении я могу мгновенно вскидывать его и открывать огонь. То, что пулемёт весил довольно прилично, меня несколько не смущало. Я, вон, и каску ношу с утра до вечера, чтобы привыкнуть к ней, и Ивана заставлял делать то же самое.

А вот «Максим» оказался с сюрпризом. У него было внутреннее повреждение, отчего он мог производить только одиночный выстрел, после чего приходилось снова взводить затвор. Винтовок у меня и так хватало, мне требовался пулемёт, поэтому на месте, прямо в телеге на расстеленном брезенте мы с Иваном его разобрали и стали искать причину. Честно скажу, искали часа два, пока не сообразили, в чём дело. Оказалось, или осколок, или пуля чиркнула по ствольной коробке, отчего металл чуть-чуть прогнулся внутрь и просто клинил механизм перезарядки во время стрельбы. В поле убрать эту неисправность было невозможно, нужны были инструменты. Поэтому закончив со стрельбами, мы как раз к ужину вернулись в деревню.

До самой темноты мы возились с пулемётом, даже захватили часть ночи, но неисправность частично устранили. Уточню, что частично – это ненадолго. Пришлось поработать напильником, чтобы сточить часть детали механизма перезарядки, отчего она стала тоньше и, соответственно, ненадёжнее. До вмятины на ствольной коробке напильником было не добраться.

Из-за того, что лётчик был серьёзно болен, мы не могли уйти из деревни, поэтому я на всякий случай стал готовиться к встрече с немцами. На въезде в деревню были устроены пулемётные засады, вырыты и замаскированы окопы. На одном въезде я установил свой ДТ, пользуясь пока винтовкой как личным оружием, на другой дороге – «Максим». Он уже был отстрелян и пока работал без нареканий, только деревянный станок, на котором он располагался, пришлось усилить – разваливаться от отдачи начал.

День прошёл без проблем, мы с Иваном полностью закончили все приготовления к отъезду, проверили лошадей и телегу, смазав всё, что можно, загрузили её, укрыв брезентом, и сделали посадочное место для лётчика. Осталось только запрячь в телегу лошадь, я буду сопровождать телегу на верховой – Рыжий, как я узнал, его звали – и можно отправляться в путь, к фронту.

Сегодня, как мне сообщил мальчишка восьми лет, которого мы использовали для связи, лётчик очнулся, и, закончив свои дела, я пошёл знакомиться. Неизвестные не дали нормально это сделать, но ничего, успею ещё.

Сняв с пояса каску, я надел её и, на ходу застегивая, приблизился к позиции, где уже находился Иван, разглядывая в бинокль технику, видную даже невооруженным глазом. Со стороны он, как и я, ничем не отличался от красноармейца. Форма, амуниция, карабин за плечом и каска. Это было хорошо для воинского духа, когда вокруг всё подчиняется дисциплине и уставу.

Людей на улицах не было видно, хотя всего полчаса назад их было достаточно, особенно детей, но строго проинструктированные мной немедленно прятаться, когда Иван подаст сигнал, они это выполнили со всей крестьянской основательностью.

– Сколько? – коротко спросил я, спускаясь в замаскированный окоп и снимая с ДТ брезент, выполнявший роль чехла. Как я уже говорил, «Максим» у нас стоял на другой позиции. Я на него не очень надеялся, поэтому поставил не на основную позицию. Да и патронов было не так много, всего два цинка винтовочных. Был ещё ящик наступательных гранат, я даже порадовался этой находке, но потом разочарованно убрал в сторону. Запалов в наличии не имелось. Так что та «эфка», что я нашёл в кармане одного из полицаев, была единственной у нас карманной артиллерией. В данный момент она находилась у меня на ремне, готовая к применению.

– Грузовая машина и мотоцикл. Едут очень медленно, – известил Иван, не отрываясь от бинокля.

– Вот и ладушки, – кивнул я, взводя затвор пулемёта и примериваясь к прикладу.

Закончив с этим делом, я взял у Ивана бинокль и стал рассматривать приближающихся к деревне немцев. Впереди в пятидесяти метрах от грузового «Опеля-Блиц» двигался мотоцикл с люлькой с тремя немцами. Пулемёта на люльке не было, все трое имели карабины. В кабине было видно водителя и пассажира, кажется, даже офицера, что в кузове – не разглядеть. Но не менее пяти солдат точно должно быть.

Техника двигалась очень медленно. Дорога, конечно, просохла, но вот многочисленные лужи просто не давали разогнаться на ней. Так что мотоциклисты крутили восьмёрки, объезжая лужи, грузовик так не мог, и приходилось их преодолевать. Правда, пока всегда удачно, видимо, водитель был опытным.

– Минут пятнадцать до нас ехать будут, – сказал я, прикинув скорость движения немцев и расстояние до нашей позиции.

– Товарищ старший лейтенант, а когда мы откроем огонь? – спокойно спросил Иван, хотя я заметил, что его голос подрагивал. Паренёк волновался.

– Когда они приблизятся вплотную. У нас не пушка, а пулемёт, надёжнее работать, когда они подойдут как можно ближе. Первый удар самый неожиданный и надёжный. Не волнуйся, боец, я десятка два таких засад устраивал, опыт накопил немалый. Ты давай, наблюдай за противником, следи только, чтобы оптика блики не дала, а я подремлю.

Присев на берёзовый чурбачок, я облокотился о слегка сырую землю окопа, почти сразу отстранившись от окружающего, и, прикрыв глаза, впал в некоторое оцепенение. Такое состояние позволяло мне сбросить все эмоции и работать очень уверенно и жёстко. Этому я в могиле научился.

Когда рёв моторов стал заметно ближе и громче, Иван тихо прошептал:

– Триста метров, товарищ старший лейтенант.

– От кого шепчешься, боец? – спросил я, открывая глаза. – Немцы нас не услышат, будь спокоен.

Встав с чурбачка, я осторожно выглянул, после чего, поправив пулемёт, посмотрел на противника через прицел.

– Пора? – спросил стоявший рядом Иван, держа в руках запасной диск к пулемёту.

– Рано, – коротко ответил я и, заметив, что паренёк взял карабин, скомандовал: – Старайся не повредить технику.

– Зачем? Мы их не будем уничтожать?

– Тебе бабушку не жалко? А других жителей деревни? Немцы, когда обнаружат своих убитых на окраине деревни, сгонят всех жителей в какой-нибудь амбар и заживо сожгут.

– Вы так думаете? – удивился Иван.

– Знаю. Так что перебьём их и угоним технику подальше и там инсценируем бой. Пусть немчура гадает, кто побил их дружков. Окопы тоже надо будет засыпать. Ничего не должно навести подозрения на местных. Обоими окопами дед Михей займётся, я с ним уже договорился. Справный старик, с немцами в четырнадцатом и пятнадцатом воевал. Справится.

– А побитые полицаи?

– Я уже сказал местным, чтобы валили всё на нас, ничего не скрывая, только чтобы про тебя и этот бой молчали. Мол, пришли советские солдаты, убили полицаев и ушли. Будем надеяться, этого хватит.

У деревни была большая лужа, немцы как раз её преодолевали по краю, что позволило нам с Иваном спокойно поговорить, паренёк от этого заметно успокоился. Поэтому, как только я сказал последнее слово, то сразу открыл огонь на поражение. Двумя короткими очередями покончив с мотоциклистами, я третьей, более длинной очередью прошёлся по кабине грузовика.

Иван даже выстрелить не успел, как на дороге установилась тишина. Двигатели техники заглохли, так что слышались только стоны одного из мотоциклистов. Кажется, того что сидел за водителем. Кабина грузовика была испещрена отверстиями и битыми стёклами, но я всё равно держал грузовик на прицеле.

– Всё? – спросил Иван, тоже держа на прицеле «Опель».

– В кузове неизвестно что, крытый он.

Дав две короткие очереди по тенту кузова, я прислушался. Тихо. Добив диск, только уже на уровне бортов, я таки дождался болезненного вскрика.

Быстро перезарядившись, я открыл огонь. Пули впивались в борта, и было видно, как от досок отлетала щепа.

Выпустив второй диск, я подхватил прислонённую к стенке винтовку и скомандовал:

– Выходим. Ты контролируешь правую сторону, я левую. Пленных не берём. Всё ясно?

– Да, – кивнул паренёк. – В кузове могут быть живые? – Сомневаюсь, – хмыкнул я, покидая окоп и разглядывая борта грузовика, похожие на дуршлаг.

Проверка показала, что добивать пришлось только пассажира мотоцикла, это я поручил Ивану. Тот колебался недолго, всего полминуты простоял над стонущим немцем, пока наконец не смог выстрелить в него.

За всем этим я наблюдал чуть со стороны, контролируя общую обстановку. Так что, подойдя, внимательно посмотрел на Ивана:

– Штыком надо было. Ничего, научишься.

– Я в норме, – кивнул тот, уловив мой взгляд. Хотя мне он показался слегка бледноватым, но после боя это нормально.

– Хорошо. Беги за повозкой и седлай моего Рыжего, потом за «Максимом» и лётчиком, и сюда, не нужно терять время, уходим сегодня. А я пока соберу трофеи.

– Хорошо, – кивнул паренёк.

– Чего-о?! – возмутился я.

– Есть! – козырнув, моментально исправился боец. – Разрешите выполнять?

– Бегом!

Посмотрев, как Иван помчался по улице к дому полицаев, только пятки засверкали, я вздохнул и направился за своим ДТ.

Когда через сорок минут появился Иван на телеге, верховой бежал позади, привязанный к задку, я сидел в седле мотоцикла и снаряжал диски к своему пулемёту. Рядом на сухом пяточке было сложено всё оружие и боеприпасы немцев. Шесть карабинов и два пистолета в кобурах. Пояса и разгрузки с немцев я тоже снял, как и три пары неплохих сапог – грех бросать такие трофеи. Кроме этих трофеев мы обогатились небольшим запасом консервов, а также ящиком гранат на длинных деревянных ручках.

Встав, я подошёл к подъехавшей повозке, приветливо кивнул лежавшему на свернутом брезенте штурману и, отвязывая Рыжего, скомандовал Ивану:

– Иван, грузи все трофеи и двигай в сторону перекрёстка дороги, там и инсценируем нападение, а я пока технику перегоню. Сейчас пошли, поможешь мне тела немцев в кузов закидать.

– Есть, – козырнул тот и поспешил за мной к кузову «Опеля».

Грузовик я уже успел развернуть, поэтому, привязав пока коня к боковому зеркалу, вдвоем с Иваном под любопытным взглядом лейтенанта мы осторожно, стараясь не запачкаться в крови, погрузили все трупы в кузов. После чего я отвёл Рыжего к задку машины и привязал уже там.

Дальше было просто, я перегнал грузовик к перекрёстку, оставив его там, потом на Рыжем вернулся за мотоциклом. Иван с лейтенантом за это время только половину пути успели проехать, так что когда я вернулся уже на мотоцикле – он, как и грузовик, был в норме – они уже находились на месте. Мы не мешкая стали устраивать театральное представление. В одном месте я высыпал гильзы, что собрал на месте нашей позиции, всё для достоверности. Тела в машине заняли места в кабине и кузове, там было двое пассажиров, одного оставили в люльке. Двух других бросили у мотоцикла, как будто расстреляли их из засады неожиданно. После этого мы подожгли технику, скрывая следы, и направились по дороге в сторону фронта.

– Куда едем? – спросил Захаренко. Он привстал на локтях и с интересом рассматривал горящую технику, что осталась позади. – Далековато идти. Наши сейчас под Воронежем стоят. Если прямо, как раз в тех местах выйдем.

– Мы туда не идём, – рассеянно ответил я, внимательно оглядываясь, но дорога была пуста, только густые чёрные клубы дыма за спиной. Лётчик меня позабавил – привык летать напрямую, на матушке земле так не получится, да и планы у меня уже были, куда идти.

– А куда? – заинтересовался летун. Иван, правивший лошадьё, тоже с интересом прислушался.

– К Харькову. Мы двигаемся в сторону Харькова.

– Это же крюк какой, – удивлённо посмотрел на меня штурман. – И Киев обходить надо, он получается на пути, да и времени это займёт куда больше, месяца два, не меньше. Не проще двинуть прямо к фронту? За полтора месяца дойдём.

– Причина для такого моего решения очень веская, – спокойно ответил я, не уточняя, продолжая управлять лошадьёю так, чтобы она двигалась рядом с телегой, по правому её борту, одновременно отслеживая обстановку вокруг. – А вот насчёт сроков движения к фронту ты, лейтенант, немного ошибаешься. Я планирую дойти до фронта и пересечь передовую за две, максимум три недели.

В действительности меня беспокоило возможное наступление на Харьков подразделений Красной Армии. Я мало что знал о Харьковской катастрофе, только примерную дату – середина мая сорок второго. Об этом поражении Красной Армии был небольшой отрывок, однако я не знал, дошли ли мои записи до нужных людей, или подготовка к весеннему наступлению продолжается. Ведь история, на мой взгляд, не сильно изменилась, так что пойдём к Харькову, а там как сложится. Кстати, нужно с лейтенантом побеседовать, он всего неделю, как был сбит, свежие новости о фронтах более-менее должен знать. Я не историк, но надеюсь, несоответствие замечу, если, конечно, попал в тот же мир, а он по всем признакам тот же.

– За две недели?! – удивлённо поднял брови штурман. – Но это невозможно. У нас три месяца назад машина капитана Сидорова не вернулась, мы их ждали,

потом справили поминки. А они вернулись, не все, двое из экипажа, но вышли к своим. Они преодолели расстояние вдвое меньше, чем у нас, но и то им понадобилось порядка двух месяцев, потому что пришлось прятаться от немцев и подобных предателей, что вы уничтожили.

– Так они же пешком топали, да ещё зимой по пояс в снегу, – пожал я плечами.

– А вы, значит, рассчитываете на лошадей и телегу? – ехидно спросил Захаренко.

Мне этот допрос уже начал поднадоедать. Лейтенант совсем забыл берега и что такое воинский устав, но я пока не прерывал его, списывая любопытство и отсутствие чиновничества на остатки болезни, что всё ещё туманили разум. Да и плавающая речь Захаренко на это намекала, было видно, что он держится бодряком из последних сил.

– Я рассчитываю на авто- и бронетехнику... Тем более прятаться я не собираюсь, а пойду громко, чтобы все меня слышали.

– Как это?

– Со стрельбой и взрывами, что тут не понятно? – оторвавшись от наблюдения за окружающей обстановкой, удивлённо посмотрел я на штурмана.

– Какой в этом смысл? Всех немцев на себя соберёте, да и не уйдём мы далеко.

– Лейтенант, вы слышали что-нибудь о мангруппах?

– Нет, не доводилось. Что это такое?

– Манёвренная группа. Мне около двух месяцев довелось командовать такой. Обычно мангруппа состоит из роты стрелков, усиленных тяжёлым вооружением – это миномёты и крупнокалиберные пулемёты. Также в состав мангруппы входит противотанковая батарея, бронерота, куда входят танки, взвод связи и разведвзвод. Задача таких манёвренных групп уничтожение инфраструктуры на коммуникациях противника. Расстрел с последующим уничтожением колонн снабжения, ремонтных баз, складов и других тыловых служб. Не волнуйся, лейтенант, опыт командования подобной группой у меня богатый. Дело осталось

за малым, сформировать, вернее даже создать на пустом месте такую мангруппу. А там уж я двину громко и вперёд. А соберу ли на себе всех немцев... Тут ближайшая крупная часть – это охранная дивизия в Киеве, остальные разбросаны по сёлам, как гарнизоны, так что пока они прочухают, я их буду бить поодиночке. А будут искать меня, уйду колонной в другие области. Я же говорю, опыт богатый. Знаю, что делать.

– Вы думаете, это удастся? – криво усмехнулся Захаренко. – Уверены, что сможете найти людей?

– Почему нет? – я снова удивлённо посмотрел на летёху. – Пример с Иваном показателен. Он не один ждёт теплых дней после ранения, чтобы двинуться к фронту или начать формировать партизанские отряды.

С интересом слушавший нас Иван, не отвлекаясь от управления конём, утвердительно кивнул моим словам.

– А как они о вас узнают? – всё допытывался лейтенант.

– Ну, если они узнают, что в село вошла Красная Армия да ещё уничтожала немецких прихвостней и их самих, если немцы будут присутствовать в селе, то добровольцы будут. Будь уверен, понемногу и не сразу, но наберём нужное количество людей. Мне нужно около ста бойцов и командиров, максимум сто пятьдесят. Десятка три сёл и деревень, и у меня будет необходимое количество бойцов. Тут много осело тех, кто пережидал зиму, восстанавливаясь после ранений и контузий. Здоровые уже давно ушли в сторону откатывающегося фронта, ещё осенью. Те, кому повезло, естественно.

– Не скажу, что я опытен в таких делах, но на словах всё логично, хотя и опасно на мой взгляд. Мне только непонятно, зачем вы уничтожили технику, если собираетесь организовать моторизованный отряд?

– Как это ни парадоксально, но сейчас она мне просто не нужна, и четырёхкопытные средства передвижения на начальном этапе куда как предпочтительнее. Но вот дней через пять – посмотрим.

– Опасно всё это, – вздохнул Захаренко.

– Война – опасная штука, – кивнул я, продолжая отслеживать дорогу и голый, ещё не обросший листвою лес, в сторону которого мы двигались.

От места уничтожения техники мы уже удалились километров на пять. Обойдём этот лес, преодолеем большое поле, что раскинулось километров на пятнадцать, и встанем лагерем в следующем лесу, неподалёку от небольшого села. Судя по трофейной карте, снятой мной с трупа немецкого интенданта-офицера вместе с планшетом, там находится небольшой гарнизон вспомогательной полиции. Вот и прищучим его. Мне нужны люди и транспортные средства.

На карте было обозначено ответвление, вот и встанем около него, углубившись в лес.

«Жаль, что ещё зелёнки нет, рано мы вышли» – подумал я, но, вспомнив о Харьковской катастрофе, понял, что вышли мы даже поздно.

– Ты устал, лейтенант, как я посмотрю. Поспи, это придаст тебе сил. Вечером к ужину разбудим. Спи.

Последнее было сказано приказным тоном. Кивнув, лейтенант завозился на куске брезента и прикрыл глаза. Мне не нравились его бледность и выступивший на лбу пот, поэтому, не снимая плащ-палатку, отстегнул скатку. Пришлось делать этой одной рукой, в левой находился повод и пулемёт, снятый с плеча, расправил шинель и, дёрнув за повод, чтобы Рыжий подошёл ближе к телеге, наклонился в седле и накрыл лётчика шинелью. Правда, пришлось ловить пулемёт, ремень которого соскользнул с плеча, но ничего, вернул на место и отъехал в сторону.

Телега буквально с горбом была загружена разными вещами, я планировал их использовать, поэтому брал всё самое необходимое. Места едва хватало, но даже Рыжий кроме меня нёс на себе два мешка, перекинутых через луку седла. В мешках был корм, проще говоря, овёс.

Открыв висевший на боку планшет, я достал карту и стал задумчиво изучать её.

– Ваня, нужно увеличить скорость движения. До темноты нам требуется преодолеть хотя бы километров пятнадцать. Это минимум. Там лес, встанем на ночёвку.

– Сделаем, командир, – серьёзно кивнул тот.

Телега была перегружена, и колея за нами оставалась приличная. Дорога не до конца просохла, так что я, честно говоря, сомневался, что мы пройдем такое расстояние до темноты.

«Хм, может, Рыжего, тоже запрячь в телегу? А то тягловый уже выбился из сил. Вроде есть возможность. Надо у Ивана уточнить...» – подумал я.

Опушка леса. Военный лагерь. Вечер этого же дня

Лейтенанта Захаренко разбудила тряска. Он чувствовал, как его трясут за плечо, и услышал об ужине.

– Товарищ лейтенант, вы очнулись, – радостно улыбнулся стоявший рядом с телегой Иван.

– Да, что-то я хорошо так поспал, – поевшись, сообщил лейтенант, с интересом осматриваясь.

После того как они поговорили на дороге с этим до сих пор непонятным ему Громовым, штурмана буквально вырубил, и что было дальше, он уже не помнил. В данный момент телега стояла в лесу, причём глубоко, опушки не было видно, хотя Захаренко покрутил головой. Обе лошади были рассёдланы, с торбами на головах. В глубокой яме, весело бросая отсвет на стенки, горел костерок, на краях ямы лежал толстый сук, на котором висел и булькал котелок с каким-то варевом. Пахло довольно аппетитно. Днём Иван, как и Громов, ехал в одной гимнастёрке, но сейчас он надел шинель, застегнув её на все пуговицы. Похолодало перед темнотой. Со стороны паренёк был похож на настоящего красноармейца – каска, ремень с подсумками, карабин за спиной, всё строго по уставу. Видимо, Громов, которого Ранет признал своим командиром и явно благоговел перед ним, считал парня настоящим бойцом.

Стволы деревьев вокруг были пропитаны влагой, да и сам воздух и влажная листва намекали, что был дождь.

Посмотрев на слегка сырую шинель со знаками различия старшего лейтенанта в петлицах, что до сих пор была на него наброшена, лейтенант смущенно убрал её в сторону и спросил:

- Долго я спал?

- Весь день, - откликнулся Ранет от костра. - Почти готово, сейчас командир вернётся и будем ужинать.

- Дождь был? - мельком посмотрев на свинцовые тучи над головой, спросил штурман.

- Да, товарищ лейтенант. Немного, но землю развезло. Пришлось верхового запрягать, а то мой мерин устал, уже не мог тянуть. Ничего, справились. Вас мы брезентом укрыли. Ворочали вас на брезенте, а вы так и не проснулись, только всхрапывали. Командир не велел вас будить.

- Кстати, а где он?

- Тут село недалеко, хат на сорок, к нему ушёл.

- Не к селу ходил, а к озеру, - поправил пока своего единственного подчинённого появившийся на небольшой полянке Громов.

Захаренко как раз в это время пытался слезть с телеги, поэтому от неожиданного появления Громова, которого до этого вблизи не было, пошатнулся. Невероятный образом Громов вдруг оказался рядом и придержал его за локоть, буркнув:

- Осторожнее надо быть.

Убедившись, что лейтенант стоит твёрдо, Громов отпустил его, поёжился и, сняв с плеча пулемёт, положил на брезент в телеге. После чего довольно ловко снял с себя всю амуницию, планшет и чехол с биноклем, надел сыроватую шинель, сразу же застегнувшись и вернув амуницию на место, поправляя кобуру, что находилась строго по уставу на правой ягодице.

- Прохладно стало, - пробормотал он.

Захаренко был с ним согласен, он в своём утеплённом зимнем лётном комбинезоне чувствовал себя комфортно, так что на зябнувших попутчиков поглядывал сочувственно. Комбинезон у него был хорош, однако не помог уберечься от простуды. Правда, тут виноваты полицаи, что сняли с него унты, ничего не дав взамен, вот и простыл, когда портянки отсырели и вверх пошёл холод.

- Что-то случилось? - спросил лейтенант, пытаясь справиться с головокружением. Чувствовал он себя на удивление сносно, видимо, сон действительно помог, а лёгкое недомогание было явно навеяно голодом. Да и откуда взяться сытости, если его нормально покормили рано утром, после того как очнулся, да и то куриным бульоном без гущи?

- Не особо, - лениво ответил Громов. Он отошёл в сторону, прислонил пулемёт к стволу дерева и спокойно перестегнул на поясе командирский ремень, отчего его талия стал ещё более тонкой. - Иван, ужин готов?

- Да, товарищ старший лейтенант, уже можно.

- Тогда накладывай. Лейтенанту поменьше, но два раза. Сразу много давать ему не надо, не осилит, лучше пусть чуть позже, перед сном поест.

- Какие у нас планы? - продолжил допытываться штурман.

- У вас не знаю, у меня немалые, - хмыкнул Громов, подхватывая пулемёт и подходя к костру. - Ужинать стоя придётся, с телеги, земля сырая, даже стволы деревьев влагой пропитаны. Думал на то упавшее дерево присесть, да сырое оно.

- Вы мне не доверяете? - прямо спросил штурман, наблюдая, как Громов лично носит миски к телеге, пока Иван накладывает в следующую.

- Да, я тебе, лейтенант, не доверяю. Доверие ещё заслужить надо... Не дуйся, давай ужинать. Новости будешь узнавать по факту.

– Хорошо, – кивнул тот, принимая жестяную миску, из которой шёл пар и одурманивающий запах мясной похлебки.

– Лейтенант, вас уставу не учили? – нахмурился Громов и вздохнул: – Не будь вы больны и не имей командирского звания, сейчас бы уже упор лёжа приняли. Я понимаю, что у лётчиков свои отношения между собой, дружеские, но я этого не приемлю... Друзей терять тяжелее.

– Извините, товарищ старший лейтенант, учту.

Во время обеда Захаренко искоса поглядывал на своих попутчиков. Оба они были ему пока незнакомы. Да и времени особо познакомиться не было. Иван Ранет был невысоким пареньком лет восемнадцати на вид, крепкий, коренастый, с симпатичным курносым лицом. Стрижка у него была короткой, волосы каштановые. Паренёк, прислонившись одним боком к борту телеги, быстро наворачивал похлёбку, настороженно поглядывая вокруг. Командир, кстати, делал то же самое, только отслеживал обстановку за спиной Ивана.

– Я был прав, – вдруг сказал Громов, явно обращаясь к подчинённому. – На озере были рыбаки. Парнишки-школьники. Надо сказать, хорошие мальчишки и память у них отличная.

– Весна голодная, вот и встретили их там, товарищ старший лейтенант, – вздохнул Иван.

– Именно. Сейчас поедим, я поставлю задачу на завтрашнее утро, потом спать. Ты стоишь до двенадцати ночи, остальное время моё.

– Не много вам, товарищ старший лейтенант? – спросил боец.

– Нормально, я привык спать по четыре-пять часов в день. Мне вполне хватает, – отстегнув ремешок наручных часов, он протянул их бойцу: – Держи, чтобы не пропустить время смены, а сейчас давай чай неси.

На этом ужин был закончен. Похлёбка была сытной в полной мере, но Захаренко честно говоря не наелся и надеялся, что слова Громова про вторую порцию были не пустым звуком. Чай оказался хуже – видимо, и у полицаев были с ним

проблемы, раз они использовали его не по первому разу, да ещё с душистыми травами. Заварка была старой, это чувствовалось.

Пока Иван поил лошадей,нося им воду от небольшого ручейка, что протекал метрах в ста от лагеря, и мыл посуду, Громов забрался в телегу и, устроившись на брезенте, почти сразу уснул. Перед этим Захаренко ловил на себе его взгляды, было такое чувство, что командир хотел о чём-то с ним поговорить, но, видимо, решил не торопиться с этим делом.

Сходив недалеко в глубь леса, насколько хватало сил, и справив нужду, штурман вернулся к телеге. Там его поджидал Иван с новой порцией ужина. Было видно, что паренёк очень ответственно выполнял все приказы их новоявленного и непонятного командира.

Быстро добив её, штурман ослабил ремень и, забравшись в телегу, приткнувшись рядом с командиром, так же быстро провалился в сон.

Утром штурмана разбудил близкий разговор.

– Доброе утро, лейтенант, – поприветствовал его старший лейтенант Громов. – Вовремя встали... Готовьтесь, скоро отправляемся.

Было ещё темно, но разглядеть детали лагеря уже было можно, хотя старлея Захаренко узнал по голосу. Со стороны обе фигуры были очень похожи. Обе в шинелях, касках и с оружием.

– А завтрак? – спросил он.

– Перед боем не советую. Поторопитесь, и так опаздываем... Иван, как там, закончил запрягать?

– Почти, товарищ старший лейтенант. Рыжий не даётся, но я сейчас, уже скоро.

– Поторопись.

Когда штурман вернулся к телеге, поправляя на ходу пояс, он обнаружил там Громова, что светил фонариком на лист бумаги. Мельком скользнув взглядом по листу, Захаренко понял, что там детской рукой были нарисованы десятка три домов, а два из них обведены кружками.

- Готов? – спросил старлей, убирая лист в планшет.

- Да.

- Тогда слушай такой приказ. Сейчас Иван поможет вывести тебе телегу на дорогу, после чего ты ждёшь там нашего сигнала и выдвигаешься к селу. Всё ясно?

- Не совсем, товарищ старший лейтенант. Вы не сообщили, какой будет сигнал? – Стихшая стрельба. Этого хватит, – задрал рукав шинели и гимнастёрки, он посмотрел на часы и сказал: – Всё, теряем время, выдвигаемся.

Когда Захаренко и Иван оказались на дороге, там их уже ожидал со скучающим видом Громов. Лейтенант даже поразился: перед боем тот не испытывал никаких волнений. Он хотел было спросить старлея об этом, но тот, подозвав Ивана и успокаивающе махнув рукой штурману, направился по дороге в сторону села, скрытого от Захаренко стволами деревьев, хотя дымы из труб хат он видел отчётливо.

Через пару минут попутчики скрылись за поворотом дороги и перестали мелькать среди голых стволов деревьев. Весна ещё не вступила в свои права.

Ожидание длилось тягостно, поэтому Захаренко, сидя в телеге и держа в руках винтовку – он выбрал знакомую ему с училища «мосинку» а не немецкий карабин, – предавался размышлениям. Обдумывая своё отношение к командиру, он вдруг понял, что это была банальная зависть. Лейтенанту Захаренко было двадцать пять лет, и вот уже как два года он был штурманом эскадрильи. Война, большое количество вылетов, но ни наград, ни повышения звания у него не было. Хотя летали хорошо, работая в основном по транспортным узлам Польши.

Громов же по виду был младше Захаренко на пару лет, но уверенность в себе, в своих силах в нём просто лилась через край. Тот же Иван это тоже чувствовал, поэтому и тянулся к нему как бабочка на огонь.

Громов, несмотря на свой возраст, немало повидал, много пережил и действительно имел опыт командования, это было видно по его поведению. Именно в этом и была причина антипатии лейтенанта, ему просто не нравилось, что кто-то лучше него, заметнее. Это осознание вдруг благотворно повлияло на лейтенанта, он улыбнулся и пробормотал:

– Сработаемся.

Тут вдруг прозвучала короткая очередь, ещё дважды щёлкнули винтовочные выстрелы, три раза хлопнул пистолет, и всё стихло.

В течение десяти минут Захаренко тревожно прислушивался – слишком быстро стихла стрельба, и ему это не нравилось. Поняв, что дальнейшей стрельбы не предвидится, он положил винтовку на колени и взял повод. Тут Захаренко понял, что совершенно не умеет управлять лошадьми, тем более сразу двумя, он был городским жителем.

– Как там?.. Но-о, что ли? – неуверенно стегнул он поводьями по крупу мерина, и о чудо, они неторопливо двинулись вперёд!

С удобством устроившись в телеге, лейтенант, весело поглядывая на лошадей, двигаются же, смотрел вперёд, на дорогу.

Заметив, что из-за поворота показались бегущие дети, мальчик и девочка лет десяти и двенадцати на вид, он тревожно погладил цевье винтовки, переложив её удобнее.

– Здравствуйте, товарищ лётчик, – издалека поздоровалась девочка. Было видно, что она главная в этой группе. – Нас товарищ командир к вам прислал. Попросил помочь вам.

– Там всё в порядке? – уточнил Захаренко и подвинулся в сторону, уступая место. Залезший на место возничего местный пацан сразу же взял вожжи и уверенно направил лошадей в деревню. Почуввав опытную руку, мерин и Рыжий шустрой двинулись вперёд.

– Да, пришла Красная Армия и побила бандитов. А главного, Борова, который полицаями руководил, она взяла живьём.

– И много там Красной Армии? – удивлённо спросил лейтенант. Двух бойцов, даже с натяжкой можно сказать трёх, сложно назвать войсковым подразделением, так что удивление штурмана не было наигранным.

– Я не знаю. Стрельба вдруг началась, бабушка поспрашивала у соседей, говорят, Красная Армия вернулась, полицаев побила и ещё трёх немцев, что вчера приехали. Правда, вернулась армия ненадолго, скоро уйдёт дальше. Я побежала посмотреть, там меня незнакомый командир у хаты Борова попросил помочь вам подъехать. Я взяла Антона, он местный, и побежала к вам. Вот и всё, – закончила свой не особо информативный рассказ девочка.

Мальчишка всё так же молча правил лошадьми, хотя с интересом и поглядывал на лётный костюм.

– Ты не местная? Правильно слишком говоришь.

– Нет, я со Львова. Там жила и училась. Мой отец подполковник Петренко, может, слышали? Он командир полка.

– Нет, я же в авиации служу, – отрицательно покачал головой штурман, мысленно вздохнув сочувствуя. Слишком много сгинуло командиров на полях сражения сорок первого, хотя подполковник мог и уцелеть.

– А вы нас с собой возьмёте? – с надеждой спросила девочка. – Меня Таней зовут.

– Тут наш командир всё решает.

– Я спрошу.

В это время телега въехала сперва на околицу, а потом уже по улице. Свернув на другую, параллельную, покатила к нужному дому, где собиралась небольшая, но всё увеличивающаяся толпа местных жителей.

– Товарищи, суд над местными прихвостнями будет проводиться сейчас. Мы не задержимся у вас, так как торопимся, – говорил толпе Громов. Он стоял на пеньке для колки дров и обращался к народу с этой речью, видимо, отвечая на вопросы. – ...нет гражданка, не расстрел. Расстрел по приговору суда проводят только военным преступникам, а полицаев... этих трёх будем проводить через повешение. Вон у того дуба как раз сук удобно свисает. По поводу раздела имущества полицаев, на него Красная Армия не претендует. Мы заберём только оружие, войсковое имущество, лошадей с телегами и продовольствие.

Громов на удивление быстро и хорошо провёл разговоры с крестьянами, после чего велел Захаренко сменить Ивана на охране выживших полицаев, отправив того на обыск одной из хат, оставив вторую напоследок.

Присев на пенёк, с которого командир общался с народом, лейтенант поставил винтовку прикладом на землю и с интересом посмотрел на трёх полицаев, что стояли на коленях в грязи и угрюмо, с некоторыми испугом, исподлобья разглядывали противников. Руки у них были связаны за спиной.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите? – окликнули Громова из-за плетня.

Посмотрев на неизвестного, штурман подумал: «Лётчик или танкист, причём явно кадровый».

Сам командир в это время осматривал трёх коней, что вывел Иван из конюшни. Также во дворе стояли две телеги, которые, видимо, полицаи готовили к использованию.

Обернувшись, Громов несколько секунд рассматривал статного парня с отлично видной военной выправкой и обожжённым лицом, который стоял у калитки, ожидая ответа.

– Выводи остальных, – скомандовал командир Ивану и кивнул неизвестному: – Заходи.

Тот отворил калитку и под любопытными взглядами так и не рассеявшейся толпы прошёл во двор.

– Вы действительно Красная Армия? – прямо спросил он.

– Окруженцы, двигаемся к фронту, – спокойно пояснил Громов.

– Я лейтенант Воронин, командир танковой роты двадцатой танковой дивизии. Девятый мехкорпус.

– Генерала Рокоссовского? – уточнил Громов.

– Да. Вы с ним знакомы?

– Не лично, воевал с одним из полков корпуса под Ровно. Заблудился он, но нам помог здорово, добил бронеколонну противника, что мы долбили из засады, вовремя подоспели.

– Понятно, – невольно улыбнулся танкист. Было видно, что ему приятно встретить того, с кем он, возможно, воевал плечом к плечу. – Так что, разрешите присоединиться к вам?

Тут Громов, к удивлению Захаренко, который знал о его планах, поморщился и ответил:

– Понимаешь, я не знаю, кто ты, как поведёшь себя в бою. Почему ты укрываешься в тылу, пока остальные воюют на фронте. То есть для меня ты тёмная птица, лейтенант, и просто так я тебя взять не могу.

– У меня сохранились документы, комбинезон обгорел, как и форма, но есть оружие.

– Вот когда всё это будет при тебе, тогда предметно поговорим.

– Понял, – кивнул лейтенант, но уходить не спешил. – Двое нас, товарищ старший лейтенант. Когда нас подбили, из машины смогли вытащить только меня и заряжающего, сержанта Кривошеина. Мы были тяжелоранеными, поэтому при отступлении нас оставили здесь. Потом зима, сами понимаете. Когда восстановились, решили двигаться к фронту, как потеплеет, да вот вы раньше успели.

Захаренко только покачал головой, слушая танкиста. Всё, как и предполагал Громов.

– Как подчинённый? Здоров?

– Лёгкая хромота осталась, но он не отстанет. Сибиряк.

– Хорошо, ожидаю вас здесь. Выдвигаемся через час. Как понял, лейтенант?

– Успеем, – уверенно кивнул тот и поспешил к выходу, видимо, искать своего сержанта и собирать вещи, чтобы присоединиться к группе окруженцев.

В это время Громова окликнул следующий претендент. Это был на удивление высокий, худой, хорошо выбритый субъект в красноармейской шинели со споротыми знаками различия. Больше всего удивляло в нём то, что в рукав его шинели вцепилась, не отпуская, достаточно молодая светловолосая женщина, что-то шипя.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться? – спросил он.

– Обращайтесь, – привычно ответил Громов и замер, готовясь выслушать очередного претендента.

* * *

Привстав на стременах, я осмотрел обоз из четырёх телег и двух верховых, что сопровождали его. Село с типичным украинским названием Раговичи, где я обогатился изрядным обозом, людьми и вооружением, осталось позади километрах в пяти.

Село вроде небольшое, но восемь человек я там набрал. Причём самое главное – среди них оказался военврач. Это была женщина лет тридцати на вид, довольно мирной внешности, но как мне нашептали некоторые жители Раговичей, ой непростая штука! Она ещё осенью выходила капитана-артиллериста и буквально женила его на себе – короче, жили они вместе. Крутила она мужиком как хотела, слушался он её во всём, хотя характер имел жёсткий и немцев и

полицаев ненавидал люто, но она как-то умудрялась найти к нему подход. Именно капитан и командовал повешением, делая это с немислимым наслаждением.

Кстати, Боров, который до этого крепился, с надеждой поглядывая вдаль, в момент, когда его поставили на ноги, обделался и дальше визжал и выл, крутился, не давая набросить на себя верёвку. Но ничего, он тоже повис рядом с остальными.

Хотя о чём это я? Нужно рассказать всё по порядку. Покачиваясь в седле и улыбаясь выглянувшему солнышку, я стал вспоминать. Времени у меня на это немного, скоро будет ещё одна деревня, Марьяновка. Следует и её посетить, там полицаи стоят, а вот в следующем селе уже немцы.

Вчера двигались мы весь день до самой темноты, пришлось даже своего Рыжего запрячь в повозку, потому что мерин один быстро выдыхался. Штурман всё это пропустил, отсыпаясь. Я даже пожалел, хотел поговорить с ним об обстановке на фронтах, да и вообще какие новости в мире, но не получилось, попробую ещё вечером вернуться к этой теме.

Вечером мы попали под небольшой дождь, но успели подготовиться и даже углубиться в лес, который выбрали для стоянки. Там, оставив Ивана готовить ужин и продолжавшего спать штурмана, я направился к населённому пункту, который выбрал своей второй жертвой.

В село я не пошёл, сходил к озеру, надеясь встретить там малолетних рыбаков. Надежда оправдалась, несмотря на дождь, там оказалось трое мальчишек. Встреча и опознание прошли нормально, после чего пионеры рассказали мне, что творили местные полицаи с неким Боровом во главе, как позже стало ясно, западенцем. Также они нарисовали схему села и указали, где находятся дома полицаев. Кроме всего прочего выяснилось, что сегодня утром в село на телеге приехали трое немцев из комендатуры.

Выяснив у них всё, что мне было нужно, и взяв клятву молчать – про окруженцев я не спрашивал, это могло навести на подозрения – вернулся к лагерю. Там после ужина я подумал было поговорить с лейтенантом о Большой земле, но решил оставить это на потом.

На следующий день мы начали операцию. План у меня был давно составлен, поэтому оставив лейтенанта дожидаться сигнала на дороге, мы с Иваном направились к селу, где нас встретил один из пионеров. Именно он незаметно и провёл нас к дому, где ночевали немцы. Всё прошло на удивление нормально, штатно, я бы сказал.

Часовым был полусонный полицаи, он только выпучил глаза, когда увидел перед собой самого настоящего советского командира, и тут же, получив лезвие ножа в горло, захрипел и сполз по забору. Дальше тоже не было ничего необычного. Я вошёл в дом, а Иван страховал меня снаружи, отслеживая окна.

Пройдя в дом, я определил, где сложено оружие – немцы аккуратисты, оставили его у входа – и, достав нож, стал склоняться над каждым, нанося единственный, но верный удар. Из немцев так никто и не проснулся.

Вот тут меня ждала первая неожиданность: третий, спавший не на кровати, а на лавке, был не немцем, а полицаем, хотя я точно знал, что их было трое. Быстро выскочив во двор, я обнаружил Ивана, который катался по земле в обнимку с моей пропажей. Судя по расхристанному виду, наше нападение застало немца в туалете.

Подскочив, я нанёс прикладом удар по голове немца, вырубив его.

– Вяжи, – приказал я Ивану и направился обратно в дом – нужно проверить тела и добить в случае нужды. Я не успел это сделать.

После этого мы направились ко второму дому, где жили полицаи. Все они были не местные, поэтому жили в одной хате. Как я понял объяснения пионера Сережи, хозяев, еврейскую семью, они вывезли, и что с ними стало, никто не знает. Хотя подозрения у жителей деревни были. У бывших хозяев была красивая дочка, пятнадцатилетняя Соня. Больно уж на неё масляно поглядывал Боров, а когда семью вывезли и полицаи вернулись, у Борова появились свежие царапины на щеке. Глубокие, нанесённые явно женской рукой. Больше об этой семье никто не слышал, может, их останки до сих пор где в лесу лежат. Кто знает?

Тут часового не было, даже дверь не была заперта. Пройдя в хату, я дал короткую очередь и заорал благим матом:

– Встать, твари! Поубиваю всех на хрен! Психологический прессинг помог, никто даже не подумал схватиться за оружие. Винтовки я прибрал, сложив под ноги, но у полицаев вполне могли оказаться пистолеты под подушкой. Двое упали на пол, закрывая головы руками, другие рванули к окнам. Достав пистолет, я успел пристрелить одного, двух других завалил Иван, когда они вывалились во двор. В живых осталось только трое. Да и то один оказался подраненным.

Выведя их на улицу, я держал полицаев на прицеле, пока Иван их вязал, после чего, проверив проделанную работу, спросил:

– Ты своих под окном проверил?

– Нет ещё, – отрицательно покачал он головой.

– Проверь штыком, ударь несколько раз. Тебе это в практику, чтобы руку набить. Работай.

Тот держался молодцом, бил штыком трупы по несколько раз, хотя вернулся бледным, готовым вот-вот выплеснуть вчерашний ужин.

– Нормально, – похвалил я его. – Но в следующий раз проводи контроль без напоминания. Ясно?

– Да.

К этому времени стал собираться народ. Попросив одну из девочек помочь привести сюда телегу со штурманом – взрослее из детворы никого не было, а эта, видать, смелая – я вернулся к полицаям, подойдя к ближайшему.

– Так ты, значит, и есть Боров? – спросил я у здорового мужика, который действительно формой лица имел некоторое сходство с этой животинной.

– Ну, – хмуро бросил тот.

– Мне нужна информация о твоих соседях, что стоят в ближайших селах. Валяй, выкладывай всё.

– Питаться будешь? – Буду, – просто ответил я и вопросительно приподнял левую бровь.

Тот запирается не стал и рассказал не только о полицаях, но и о немецких гарнизонах. Знал он немало, так как не раз со своими людьми участвовал в облавах и захватах окруженцев и загоне лётчиков, что сбили над этими территориями.

Чуть позже из толпы начали раздаваться вопросы, пришлось на них отвечать, тут как раз прибыл Захаренко с малолетними помощниками. Потом ко мне обратилось семеро человек из окруженцев, которые в основном остались на оккупированных территориях из-за ранений, восьмой была военврач. Вот она не особо охотно присоединилась к нам. Всё её в жизни в селе устраивало, но она отправилась следом за своим капитаном, который у меня в отряде занял место зама по тяжёлому вооружению. Будет артиллерия, примет командование, хотя он был гаубичником, командиром батареи.

Так что теперь у меня было двое командиров, причём фронтовиков, которые не раз смотрели смерти в лицо. Остальные четверо были обычной махрой, пехотой, хотя один имел звание сержанта. Но он был сугубо мирной профессии. Повар.

Был ещё один сержант, заряжающий из экипажа Воронина, но на него без содрогания смотреть было нельзя. Это Воронин с пятнами ожогов на лице выглядел принцем, его подчиненный же пострадал куда сильнее.

После знакомства и того, как я записал бойцов в свой отряд, выяснилось, что все они хорошо знали нашего врача, именно она занималась их лечением. Это меня заинтересовало, так как Семёнова работала не только в этом селе, но и выезжала в соседние, взяв на себя обязанности сельского фельдшера. Кушать тоже ведь хотелось. Именно от неё я и получил интересные сведения об окруженцах. В округе их было немало. Правда, треть отсеивалась. Некоторые потеряли руки и ноги. Как это ни цинично, но меня они не интересовали.

Кроме этого пополнения было и другое. Двое детишек. Та самая девочка, что я отправлял за штурманом, и её младшая сестра. Они были детьми командира РККА, и оставлять их в селе было преступно. Немцы после того, что мы сделали, пройдут частой гребёнкой и найдут их. Так что с нами у них хотя бы был шанс выйти на Большую землю.

Пока наша группа была сбродом, хоть и с единым командованием. Мне не нравилось, что многие были в гражданской одежде, можно сказать, в смеси красноармейской и гражданской. У меня были запасы формы, однако требовалось время, чтобы переодеть и нормально оснастить зарождающееся подразделение. Эти три дня, предполагаю, пройдут в цейтноте, работать будем на грани фола, но надеюсь, найдётся время, чтобы привести подразделение в нормальный вид. Ведь встречают по одежке, вернее, внешнему виду. Вот и надо соответствовать.

Формировать подразделения я буду, когда соберётся больше народу и появится нормальное вооружение. Мне требовался нормальный начальник штаба, зам по тылу, тот же ротный старшина, что будет следить за имуществом, нужен был командир разведвзвода. Пока хватит, это по насущным проблемам. Остальное переживём. Нужно подумать, начальником штаба можно назначить капитана Семёнова, думаю, потянет. Он при встрече без проблем перешёл под моё командование. Командиром разведвзвода можно поставить танкиста, думаю, как временная замена, потянет.

Имущество, что мы захватили в Раговичах – это три телеги и три верховых коня со сбруей. Один пулемёт ДП, что уже осваивал один из стрелков, красноармеец Перепёлкин, семь винтовок Мосина, два «нагана», два немецких карабина, также немецкий автомат с деревянным прикладом и «парабеллум» Последний сразу же забрал себе Семёнов – оказывается, у него до ранения был такой же. Автомат я отдал нашему единственному разведчику красноармейцу Белову, остальное ушло на вооружение отряда и в запас. Места теперь хватало. Мелочёвку описывать не было смысла, но среди барахла полицаев Раговичей было найдено несколько комплектов ношеной формы, так что теперь можно вооружить и нормально одеть два отделения бойцов.

Заметив, что навстречу скачет боец из дозора, я мельком посмотрел на Анну Семёнову, жену капитана Семёнова, нашего врача, которая сидела на своих узлах на второй телеге рядом с детишками, и ударил Рыжего по бокам. Требовалось узнать, какие новости нёс мне наш единственный кадровый разведчик, боец разведбата, которого я назначил в головной дозор.

Встретились мы на середине дороги, кони загарцевали на месте, пришлось приложить усилия, чтобы успокоить их.

– Что там? – спросил я бойца.

Тот, перебросив автомат на грудь, сообщил, одновременно успокаивающе похлопывая коня по шее:

– Две двуконные подводы нам навстречу идут. Далеко, не разобрать, но вроде полицаи. Одежда на некоторых чёрная, и вроде оружие есть. Они только-только из деревни вышли.

– Ясно, – задумчиво кивнул я, после чего, встряхнувшись, отдал приказ: – Продолжай наблюдение за ними, стараясь себя не обнаруживать. Вот, держи бинокль, жаль, у нас он в единственном экземпляре. Мы встанем на месте, продохнём, перевооружимся и встретим неизвестных. Всё, вперёд.

Боец поскакал в обратном направлении, пока не скрылся за складками местности, я же, закончив задумчиво разглядывать битую технику в поле, неторопливо двинулся обратно. Время до встречи с неизвестными у нас было. Проскакав около километра, я достиг головной телеги и стал отдавать приказы:

– Обоз, стой. Красноармейцу Ранет занять позицию для наблюдения. Сектор обзора круговой. Выполнять!

– Есть, – козырнув, тот вскочил на телегу и стал активно крутить головой, отслеживая обстановку вокруг, пока я отдавал другие приказы собравшимся вокруг подчинённым.

– Навстречу нам двигаются подводы, две единицы. По непроверенным данным, там полицаи. Нужно организовать им тёплый приём. Однако ко всему прочему мы неподалёку от села Марьяновка, поэтому ждём их тут, в пяти километрах от села. После уничтожения полицаев выдвигаемся к селу. Часть идёт с обозом, хватит одного возницы. Остальные со мной боевым кулаком будут уничтожать гарнизон. Он там небольшой. В данный момент, пока есть необходимое время, нужно привести вас в нормальный внешний вид, чтобы вы соответствовали высокому званию советского воина. Сейчас по очереди подходите со мной к третьей подводе, где я выдам вам комплекты формы, амуницию и знаки различия.

Ко мне не подошли только Ранет, который уже получил приказ наблюдать за дорогой, Захаренко да детишки, которые грелись в подводе в лучах выглянувшего солнышка.

– А ты чего подошёл? – спросил я у сержанта Лаптева, нашего повара. Причём этот крестьянского вида хитрюга ещё и первым встал, не пропустив даже командиров.

Вот уж кто-кто, а он полностью сохранил как форму, так и снаряжение, даже каска была в наличии. Единственно, что оружия у него не было, забрали однополчане, оставив его раненого у добросердечной хозяйки. Фронт тогда был прорван, и раненых разрозненно отступающие подразделения оставляли в деревнях, правда, были случаи, когда вообще бросали санчасти, оставляя их немцам. Но сержанту попались нормальные командиры и такого не допустили.

– Так треугольник требуется, – указал он на левую петлицу.

Тут он был прав, форма у него действительно была в порядке. Отстирана, даже заштопана в месте, где была порвана осколком от авиабомбы. Но вот из левой петлицы потерялся один треугольник. Документы у Лаптева присутствовали, то есть я убедился, что он действительно сержант с хорошей и сытной профессией, так что, открыв трофейную шкатулку, я перебрал ромбы, кубари и, найдя треугольник, протянул его сержанту. Тот отошёл в сторону, расстёгивая ремень, чтобы стянуть через голову гимнастёрку, иголка с ниткой у него были свои, кроме как прикрутить треугольник, ему требовалось пришить надорванную петлицу, а я приступил к выдаче.

Полные комплекты формы, то есть шаровары, гимнастёрки, шинели и остальное пришлось выдавать только обоим танкистам. Но это и так было понятно – от их обгоревших лохмотьев мало что осталось, щеголяли они в гражданской одежде. У Семёновой частично сохранилась форма, я ей выдал только пилотку с красноармейской звёздочкой и ремень с кобурой, в которой покоился «наган» своего оружия у неё не было. Остальные разобрали вещи по мелочи, кто петлицы, эмблемы, пуговицы там, кто шинель, кто пилотки или фуражки. Двоим ушли сапоги. Всё выданное я тщательно документировал, не забывая записать, кому и что выдал. В течение следующих десяти минут наш обоз напоминал пошивочный цех, но когда на дороге появился наконец наш разведчик, мы уже закончили и теперь со стороны смотрелись нормальным воинским подразделением, а не сбродом. Да и люди, видя вокруг привычную форму, уже

вели себя по-другому, подтягивались, распрямляли плечи, уверенно отвечали на вопросы, начали вспоминать устав. Жаль, что запасных касок у меня было всего четыре штуки, их я раздал пехоте, которой пока командовал Семёнов. Конечно, для капитана командование пятью стрелами низковатая должность, но мы только начали. Да и временно всё это.

Кстати, у Семёнова теперь появился постоянный подчиненный. Да-да, наш курсант-артиллерист Иван. Он был фанатом артиллерии, я об этом знал, так что, официально представив их друг другу, перевёл Ивана под командование Семёнова. Орудия когда-нибудь будут, но расчёты нужно формировать уже сейчас. Ивана я записал в будущую противотанковую батарею наводчиком первого орудия, командиром батареи Семёнова. Пока всё это на бумаге, но я надеюсь, что скоро всё у нас будет, потому что знал, где находятся склады трофеев, а там даже тяжёлое вооружение есть. Боров об этом поведал. Из танкистов, что пока оставались не у дел, я сформировал пулемётный расчёт, отдав им нашего инвалида, это я про пулемёт «Максим». Те почесали затылки, но делать нечего, начали осваивать это чудище. Рядом крутился Иван, поясняя, что мы с ним сделали и как реанимировали. Ничего, парни из кадровых, разберутся.

– Докладывай, – приказал я, когда разведчик подскакал к обозу. Конечно, на дороге остались отпечатки копыт, идвигающиеся нам навстречу неизвестные их наверняка обнаружат, но тут ничего не поделаешь.

Спрыгнув с коня и бросив повод одному из моих пехотинцев, он подскочил ближе и, козырнув, отчитался:

– Полицаи это, товарищ старший лейтенант. Семеро. Двигаются на двух подводах. Двое на первой подводе, пятеро на второй. Оружие в основном винтовки, но у одного вроде даже наш автомат, я круглый диск рассмотрел. Другого оружия не заметил, если только где в подводах лежит. Груз – какие-то мешки. Сейчас они находятся в низине дальше по дороге, пара минут, и они поднимутся сюда на поле, мы их увидим и они нас.

– Заметили?

– Вроде нет, беспокойства я не заметил, но следы могут увидеть. Дорога одна, в поле не уйдёшь, сразу в пашне по брюхо утонешь. Это только дорога чуть

просохла.

– Это да, – согласился я, задумчиво посмотрев в сторону двух танков, башни которых было видно на склоне. Сами корпуса было не рассмотреть из-за складок местности, но я знал, что это были Т-26, только, что за третий танк, я определить не смог, его раскидало от внутреннего взрыва по всему полю. – Ладно. Всем внимание! Обоз двигается дальше, старший в обозе капитан Семёнов. Я же с красноармейцем Беловым выдвинусь вперёд и займусь противником. Нас двоих вполне хватит, нападения они вряд ли ждут.

– Но, командир?!.. – начал было возмущенно возражать капитан Семёнов, однако я перебил его:

– Я обучен быстрой схватке лицом к лицу. Нам требуется оружие и лошади, как и повозки, а неповрежденными их можно захватить только так. Ясно? Всё, выполнять приказ, выдвигайтесь следом за нами.

– Есть, – козырнул тот и, поправив сбитую набок фуражку, стал отдавать команды. А я, кивнув Белову, направился к Рыжему, который был привязан к одной из повозок. Следует поторопиться.

Через пару секунд мы уже выдвинулись вперёд по дороге. Я был закутан в плащ-палатку, на голове вместо каски кепи полица, также плащ-палатка скрывала и оружие, что я приготовил к бою. Это были ТТ и «наган». Пулемёт был приторочен к седлу. Быстро его не снимешь, так что оружие ближнего боя у меня было короткоствольное.

Двигались мы неторопливо: полицаи должны успеть подняться на холм, чтобы увидеть не только нас, но и обоз. Семёнову я велел проследить, чтобы бойцы не высывались, чтобы их не разглядели и не опознали войсковую принадлежность, так что обоз сыграет роль ширмы, нас примут за своих. Кто ещё будет тут двигаться так нагло?

Неторопливо двигаясь по дороге бок о бок, чуть ли не касаясь стремянами, я расспрашивал Белова о том, как он оказался на оккупированной территории. Ещё при приёме я расспросил его об этом, но мельком, тут же мне требовалась более полная информация. Так, под рассказ о злоключениях бойца, пока он не оказался в том селе, где вступил в мой отряд, мы и двигались дальше.

– Вон они, – хмуро бросил Егор.

– Давай мне за спину, будешь прикрывать. Работай в основном по второй телеге, первая моя. Понял?

– Да, товарищ старший лейтенант.

– Хорошо, – буркнул я и придирчиво осмотрел Белова.

Тот не успел получить свою форму, поэтому был в полугражданской одежде, шаровары он потерял в бою, когда на них плеснуло горящего бензина из бака автомобиля. Их тут совсем недалеко из засады били, в этих краях. Потом его ранило, и товарищи, что отрывались от противника по лесу, оставили парня в селе, подарив мне такого ценного спеца. Обычная история. Единственно, что я выдал ему на замену, это точно такое же кепи полицаев, как и у меня. Так что со стороны он очень сильно напоминал подручного немцев.

До полицаев осталось метров двести. Те, заметив наше приближение, остановились, пристально разглядывая нас. Обоз они не разглядели, не успели подняться по дороге выше.

– Кто такие? – крикнул с передовой телеги один из полицаев. Это был кряжистый рыжеватый мужчина с недельной щетиной и заметным синяком на скуле. Своим лицом он очень сильно напоминал советского актёра, тот тоже играл роль полицаев в приключениях сержанта Цибули.

– Народичи, взвод вспомогательной полиции! – крикнул в ответ я.

– Командир Зиновьев?

– С чего это?! – натурально удивился я. – Зиновьев ещё четыре месяца назад ушёл на повышение в Житомир. Лютов у нас командир.

– Всё нормально, подходите!

Тронув поводья, я ударил одновременно по бокам Рыжего, пуская его вперёд. Полицаи тоже начали движение навстречу. Похоже, опознание действительно прошло штатно и они нас приняли за своих. Поглядывали они на наше приближение спокойно, у большинства винтовки были за плечами, только у двоих оружие было в руках, у автоматчика и у второго с первой телеги. Вот они на нас смотрели настороженно.

– Вы чего тут делаете? – спросил один из полицаев на второй подводе. Причём не автоматчик, которого я посчитал командиром, им был другой, учительского вида мужчина с очками на носу.

– Обоз сопровождаем, – указав большим пальцем себе за спину, пояснил я, натягивая поводья, чтобы остановиться рядом с первой подводой. Причём так, чтобы не перекрыть траекторию стрельбы Егору.

Тут мне стало понятно такое расположение полицаев в повозках, они везли не мешки. За мешки Егор принял трёх парней в лётных комбинезонах, связанных по рукам и ногам, у них даже кляпы были во рту. Мельком осмотрев их, я положил ладонь правой руки на рукоятку ТТ, скрытого плащ-палаткой, и вытащив его из-за пояса, направил на двух полицаев на первой подводой. Сперва нужно отработать их, потом можно заняться второй подводой, присоединившись к Белову.

– Понятно... – начал было говорить старшой, но тут сухо щелкнул выстрел, и почти сразу загрохотала длинная очередь из автомата Егора.

Стрелял, естественно, я, это и было сигналом Белову для открытия огня. Добив третьим выстрелом возникшего первой телеги, я перевёл ствол пистолета на вторую подводую, но выстрелить пришлось всего лишь один раз, да и то добивая раненого, что свалился на подсыхшую полевую дорогу.

Соскочив с коня, я, по разу выстрелив из пистолета, провёл контроль обоих полицаев на первой повозке, пока Егор, повторив мой манёвр, осматривал полицаев на второй телеге.

– Как там? – спросил я.

– Один пока живой. Но ему недолго осталось, – сразу откликнулся он, разгибаясь над одним из лежавших в повозке полицаев.

– Если есть возможность, быстро допроси его, кто они и откуда двигаются, – приказал я, глядя на зашевелившихся летунов, двое были в сознании и наш огневой контакт с предателями не пропустили.

Привязав Рыжего к борту их подводы, тот всхрапывал от запаха крови, он ему не нравился, я достал финку и резанул по подставленным верёвкам. Летун специально повернулся на бок, вытянув руки, чтобы мне было удобнее. Пока он массировал кисти и вытаскивал кляп изо рта, я освободил второго летуна, а потом и третьего. После чего передал им нож, чтобы они резали верёвки на ногах.

– Я капитан Игнатъев, командир корабля. Дальняя авиация. Кто такие? – представился и поинтересовался тот первый летун, которого я освободил.

Он уже рассмотрел мои петлицы, когда плащ-палатка распахнулась от моих движений, и понял, что я свой. Да и уничтоженные полицаи на это намекали.

– Старший лейтенант Громов, команду сборной группой окруженцев. Двигаемся к фронту, – коротко проинформировал я его, с интересом наблюдая, как второй летун пытается привести в чувство третьего. Судя по перевязанной руке, он ещё был ранен.

– Понятно. Позвольте нам к вам присоединиться?

– Не проблема. Думаю сформировать из вас пулемётный взвод, как раз ниша для вас, чтобы не занимали попусту место. Надеюсь, на командование претендовать не будете?

– Принимается, – кивнул капитан. – Если бы мы были в небе, командование взял бы на себя, без вопросов, но тут не моя епархия. Командуй, старший лейтенант, от меня проблем не жди.

– Отлично. Не люблю, когда мне мешают... Позвольте вопрос, лейтенант Захаренко не из вашего экипажа?

– Из моего, – кивнул капитан и с надеждой спросил: – Вы о нём что-то знаете?

– Да, он с нами. В обозе. Найдёте его на четвертой телеге, на замыкающей. Он с нашим поваром двигается, к съестному поближе.

– Хорошая новость, – улыбнулся Игнатьев. – Он в моём экипаже с сорокового.

В это время Белов встал и, вытирая на ходу какой-то тряпкой руки, направился к нам.

– Егор, что там?

– Они из Марьяновки, вчера повязали лётчиков, сегодня повезли их в комендатуру Народичей.

– Кто остался в селе?

– Никто, – криво усмехнулся разведчик. – Все тут.

– А вот это уже интересная новость. Село проверим, мало ли солгал, и выдвинемся дальше. За четыре дня нам требуется преодолеть более ста километров, причём по заселённой местности, – последнее я сказал скорее для себя, но быстро вернулся к реальности и стал раздавать приказы: – Егор, вперёд. В дозор. Товарищ капитан, как там ваш парень?

– Ещё не пришёл в себя. Олег пытается его привести в чувство, но никак.

– Сейчас обоз придёт, там военврач. Она вам поможет. Раз вы стали моими подчинёнными, хоть и временными, приказываю вам заняться трофеями. Собрать оружие, боеприпасы. В общем, описать все трофеи.

– Одному? А вы?

– Пока одному, потом подойдёт обоз... хотя вон он, минут через десять будет тут. Значит, так, начинайте описывать трофеев, сейчас дам вам блокнот и карандаш, а я пока осмотрю те танки на предмет амуниции.

– Да их уже, наверное, по несколько раз осмотрели и всё что можно извлекли, – посмотрев в сторону танков, что находились метрах в ста от нас, хмыкнул капитан.

– Посмотрите в ту сторону и в ту, – указал я рукой на обочину дороги. – Что вы видите?

– Тряпки какие-то... флажки?

– Да. Это минное поле. Предупреждающие флажки там не только наши, но и немецкие. Это наше поле, парни попали на наши мины. Немцы аккуратисты и должны были разминировать его, но, видимо, до этого не дошли руки. Эти два наших танках подорвались на чём-то лёгком, скорее всего противопехотных минах. Повреждена только ходовая, как вы видите. А тот танк, от которого остались только куски корпуса, явно наехал на фугас.

– Понятно, – кивнул капитан и, приняв у меня блокнот, принялся за работу. Я же, подхватив лежавший на земле кнут возницы первой повозки, оставил только палку и, вытащив из одной из винтовок шомпол, вбил его в её конец, сделав такой импровизированный щуп. Через пару секунд сойдя на обочину, я стал, осторожно вводя щуп в землю, прокладывая дорогу к танкам.

Причина такого интереса к ним была довольно банальна – это пулемёт, что в данный момент висел у меня сбоку. Два диска к нему – это просто смешно, всего на пару минут боя. Так что я рассчитывал найти такие диски в танках, пока идёт сбор трофеев и обоз увеличивается. Полчаса у меня есть, вот их я и использую. Может, ещё что там найду.

Когда подошёл обоз, я углубился в поле на пятьдесят метров, обнаружив четыре мины. Их я не стал снимать, просто обозначил, отрыв, чтобы их было видно. Оба танкиста без приказа сразу же попрыгали со своей повозки, где находился их «Максим» и по проложенной тропинке заспешили за мной, балансируя на ходу руками. Тропинка была узкой, а они старались ступать точно в мои следы.

Земля была мягкой, сапоги во влажную землю уходили по щиколотку, да и налипло на них прилично. Дойдя до первого танка, я проверил землю у левого борта на предмет мин и отступил в сторону, давая дорогу профессионалам. Те, как обезьяны, мгновенно взлетели вверх и попытались открыть башенный люк.

Но он оказался закрыт изнутри.

– Давай через люк механика, – велел Воронин сержанту, пока я, присев у противотанковой мины, осторожно откручивал взрыватель. На то, что я делаю, они особо внимания не обращали.

Сержант Кривошеин на удивление ловко скользнул в люк вниз головой и исчез внутри.

– А что это за запах? – приняввшись, спросил я, вставая на ноги и заворачивая взрыватель в платок, а тот убирая в карман галифе.

– Экипаж, – хмуро ответил лейтенант. – Один с правого борта лежит, у гусеницы. Похоже, механик успел выскочить, остальные, видимо, внутри. Тут пробоина в борту, их ещё снарядом угостили.

В это время, скрипнув, открылся башенный люк, и Воронин заглянул внутрь, о чём-то спросив сержанта. Осмотревшись, он пояснил свой интерес:

– Третьего из экипажа нет. Хотя они могли воевать вдвоём... Да, вполне возможно.

– Жаль парней, но мы пришли не за этим. Есть что там интересное?

– Боеприпас изрядно потрачен, но интересного много. Мы пока тут поработаем, всё важное будем складывать на корму.

– Хорошо. В будущем я вас на танки посажу. Так что сразу смотрите шлемофоны, запасные комбинезоны... ну, вы знаете, что надо брать.

– Знаем, прицел тоже снимем, как и пулемёты.

– Ладно, работайте. У обоза ещё суетятся, значит, с трофеями не разобрались, там их Семёнов должен принять. Пока есть время, я до второго танка тропинку проложу. Жаль, третий уничтожен, он бы нам тоже пригодился.

– Это не наша машина, – покачал головой Воронин. – Вон, башня перевёрнутая лежит. Это тэ-три. Немецкий танк. Думаю, их тут больше было, остальных эвакуировали. Это только наши жестянки им были не нужны, – похлопал лейтенант по башне Т-26.

– Кстати, лейтенант, а ты на чём воевал?

– На три-четыре. Слышали о таких?

– Даже видел. В пехоте их «тридцатьчетвёрками» прозвали.

– Хорошие танки.

– Это да, – вздохнул я и, выдернув из земли щуп, стал прокладывать тропинку ко второму танку.

Когда я закончил и отметил освобожденную от мин территорию, просто протоптав круг вокруг танка, вернулся обратно к первой машине. Там кроме танкистов уже работали ещё двое парней. Они носили наше новое имущество к обозу. Посмотрев на ряд дисков к пулемёту, их было больше десятка, к тому же часть уже унесли, я сообщил о том, что проделал тропинку и направился в сторону обоза. Правда, не быстро, а занимаясь минами, что оставил на потом до этого, деактивируя их и убирая взрыватели к сестричкам.

Выйдя на дорогу, я остановил Ивана, который как раз пробежал мимо, и, указав на тропинку, приказал:

– Беги по следам и собирай мины. Они обезврежены. Должно быть двенадцать штук, пять больших противотанковых, семь небольших, противопехотных. Сложишь их на ту трофейную повозку. Там у нас будет склад боепитания. Ясно?

– Да, товарищ старший лейтенант.

– Беги, только будь осторожен. Тропинка проверена по полметра с каждой стороны.

– Ясно.

Иван побежал по тропинке собирать мины, а я подошёл к Семёнову, что стоял с блокнотом и что-то задумчиво подсчитывал.

– Докладывайте, что у нас есть, – велел я.

– Трофеи не особо большие, бандиты выдвинулись налегке. Кроме подвод и четырех лошадей, нами взяты трофеями немного продовольствия, в основном крестьянского вида. Консервированного ничего нет. Вооружение состоит из пяти винтовок Мосина, одного карабина той же системы, свежего ППД с дисковым магазином, в запасе ещё два, и двух пистолетов, «Люгера» и ТТ. Были ещё пистолеты. Но это оказалось личное оружие лётчиков, мы его им вернули, как и документы. По боезапасу тоже не густо. В данный момент его несут из танка, но нужно подсчитать, с полицаев взято всего триста двадцать патронов к винтовкам и шестьсот тридцать к автомату. Есть две гранаты, наступательные.

– Ясно, продолжайте с трофеями... Да, кстати, что там с раненым?

– Не знаю, Анна его ещё осматривает, но вроде что-то серьёзное.

– Продолжайте, а я пойду, узнаю.

Не успел я пройти две подводы, как мне навстречу попался капитан Игнатьев.

– Как там ваш парень? – первым спросил я его.

– Борт-стрелок мой, отличный стрелок, два «мессера» на счету имеет. Игорь в тяжёлом состоянии, его оперируют. Вроде до гангрены дело дошло. Его ведь ранило, когда покидали машину, а это было семь дней назад.

– Понятно. Ну, Анна – врач опытная, все её хвалят, так что будем надеяться, она вытянет парня.

– Лекарств у неё мало, жаловалась, но на Игоря должно хватить, – вздохнул капитан и, немного встряхнувшись, посмотрел в сторону двух своих подчиненных, Захаренко и второго летуна, фамилии я не знал, но слышал, что его звали Олегом. – Вы в Марьяновку пойдёте?

– В точку. Стемнеет скоро, успеем дойти. Там и переночуем, завтра с новыми силами вперёд, к фронту.

– Я не рассказал, как мы в плен попали. Нас одна женщина укрыла, дала обсушиться, накормила, да сосед её, падаль, сдал нас полицаям. Били её, серьёзно избили. Хочу поквитаться.

– Всё в ваших руках, – с безразличием пожал я плечами. – Зайдём в деревню, можете заняться им. Я вам даже верёвку одолжу и мыло.

– Зачем? – удивился капитан.

– Бандитов и пособников вешают. Расстрел применяется только для военных преступников.

– Ах вон вы о чём. Понял, там разберёмся.

Через час мы выдвинулись дальше. До Марьяновки осталось километра четыре, до темноты успеем.

Эпопея с танками не прошла зря. Кроме мин – я чуть позже дополнительно снял ещё штук двадцать – мы обогатились двумя прицелами к пушкам, двумя танковыми пулемётами. Точно такими же, как у меня, ими владели оба танкиста, передав «Максим» лётчикам. Потом – ещё тридцатью двумя дисками к ним и немалым количеством боезапаса, два не вскрытых цинка с патронами даже нашли.

А останки погибших танкистов мы похоронили, экипажи обоих танков, двух парней из первой машины и трёх из второй. Так и осталось тайной, куда делся третий из первой машины, может, ему повезло и он остался в живых? Кто знает.

Только с раненым летуном всё было плохо, Анна провела операцию, но честно сказала, что можно надеяться только на молодой организм парня и что не придётся ему резать руку.

Перед самой темнотой мы вошли в Марьяновку. Обоз медленно двигался в сторону дома, где квартировали до этого полицаяи, а мы, оставив повозки

позади, начали зачистку селения.

Петли на двери в хату скрипели, причём мерзко так, а от того, что мы заседали именно в этой хате и двери постоянно закрывали и открыли, скрип мы этот слушали постоянно. Наконец сидевший за столом Семёнов не выдержал и приказал оставить дверь открытой, устало потирая пальцами виски.

– Давайте следующего! – крикнул он.

Капитан меня удивлял, с высоты своего двадцатилетнего возраста я как-то не обращал внимания на усталость и трудности, поэтому даже сейчас выглядел бодряком, но вот тридцатидвухлетний Семёнов явно проигрывал мне в этом. Но это и понятно, мало того, что возраст, так ещё он совсем недавно оправился от тяжёлого ранения, а тут такой экстрим.

– Отдохни, завтра много работы, а я закончу, – велел я ему.

– Я справлюсь, – поморщился он.

Семёнов помимо обязанностей командира обоза и командира взвода пехоты взял на себя ещё работу начальника штаба группировки. Штабист он был так себе, так что я планировал его поставить на батарею.

– Это не предложение. Это приказ. А то всего полчаса находимся в этом селе, приняли только двух желающих вступить в наши ряды, а ты уже квелый. Отдыхай.

Мы несколько часов назад перешли на ты, поэтому говорил я спокойно, без командных ноток.

– Есть, – устало мотнул головой Семёнов. – Разрешите идти?

– Иди, в соседней хате твоя жена, как мне доложили, уже организовала постой. Танкисты жаловались, они эту хату первыми приметили, да она отбила.

– Аня может.

Капитан передал мне блокнот, куда записывал претендентов, и, забрав висевшую на вешалке шинель, накинул её на плечи и вышел из хаты.

Нетерпеливо мнущийся у дверей пожилой мужчина расправил кепку и, надев её и сделав два чеканных шага, вскинул руку к виску:

– Красноармеец Михайлов. Егор Дмитриевич. Сто четвертый стрелковый полк. Шестьдесят вторая Туркестанская стрелковая дивизия.

– Пятая армия? – уточнил я, записывая.

– Да, товарищ старший лейтенант.

– Когда были призваны и как оказались в окружении? – привычно спросил я и стал записывать данные, что диктовал пожилой красноармеец.

Закончив, я посмотрел на него и сказал:

– Ваша воинская специальность – стрелок. Но в роту мотострелков мы набираем молодых парней не старше двадцати пяти лет. Иначе не выдержать темпа боя. Вам сорок шесть лет, вы даже в артиллеристы не годитесь. Ездовые нужны, но временно, пока мы не пересядем на технику. У меня нет для вас места, единственно, что...

– Я согласен, – быстро сказал бывший воронежский житель.

– Не торопитесь. Мы формируем взвод снабжения с приданным хозотделением. Какая у вас гражданская профессия? – Так механик я. Ремонтирую швейные машинки.

– М-да, – задумчиво помассировал я виски, повторив жест Семёнова. – Ладно, записываю вас в хозотделение, будете на подхвате, пока вам нормальную работу не найдут. В обозе ваша телега третья, возница красноармеец Трифонов, командира пока нет. Там разберётесь. Держите назначение. Завтра в семь утра выдвигаемся, будьте готовы.

Вырвав лист бумаги из блокнота, я передал его пожилому мужчине. Фактически это пока его единственный документ.

В этот момент в хату вошёл Игнатьев и, остановившись у вешалки, повесил на крючок ППД, который забрал себе, после чего направился к столу.

– Скажите следующему, чтобы пока не заходил, – велел я красноармейцу, после чего повернулся к капитану:

– Что у вас там?

– Рука не поднялась. Отметелили мы его сильно, но тут жена из дома выскочила, закрыла собой. Дети малолетние прибежали, – сев за стол, он взял стоявшую крынку и стал жадно пить молоко.

– Вот как? – грустно хмыкнул я и задумчиво протянул: – Пожалее-ели.

– Ну, он обещал, что такого больше не произойдёт.

– Да ну? Расскажу тебе одну историю, что произошла на моих глазах. Как-то пожалели вот такого вот типчика, тот на коленях стоял, просил его простить. Вроде всё дальше было нормально, да вот как-то ночью взял да ударил он своего командира, делавшего обход, и, перетащив того через ничейную полосу, сдался немцам. Какова мораль? Сделал один раз, сделает второй. Я поспрашивал сельчан насчёт этого мужичка. Хреновый он оказался сосед. Я, конечно, не психолог, но дальнейшее предсказать могу легко. После того как мы уйдём, он будет сидеть тихо, думаю, ваши кулаки произвели на него впечатление. Когда немцы придут, проводя разведку, будут они нас искать, то он первый доложит о нас. Выслуживаясь. Потом получит место главного полицая, наберёт подручных и начнёт творить беспредел. Избивали его на улице, и унижался он, прося прощения, при многих жителях села. Будь уверен, он об этом помнит и будет помнить очень хорошо. Первым делом он повесит вашу помощницу, ведь она помогала Красной Армии, а это не есть гуд. Потом будет мстить остальным, одновременно наживаясь на их имуществе. Чужая за собой силу и пьянея от крови, он если не полностью вырежет село, то творить в округе будет страшные вещи...

Капитан как раз отрезал кусок хлеба от каравая, но так и замер, угрюмо слушая меня и глядя остановившимся взглядом в столешницу. После последних моих слов он встал и стремительно покинул хату, оставив висеть автомат на вешалке, но вот нож унёс с собой.

– ...хотя, может, и не будет такого. Дождётся конца войны и будет жить честным гражданином и растить детишек, – закончил я, когда Игнатьев вышел, после чего крикнул: – Следующий!

Когда я заканчивал с пятым претендентом, двадцатилетний паренёк без сомнений шёл в мотострелковую роту пулемётчиком, в хате снова появился Игнатьев. Только теперь он тяжело дышал, в правой руке у него был окровавленный нож, рукав комбинезона тоже пятнали тёмные пятна.

Облокотившись о стену хаты, лавка стояла вплотную к стене, я с интересом проследил, как капитан снова сел за стол, и, взмахом руки отпустив новобранца, спросил:

– Сам?

– А кто? Остальные спят... Отбой же... Часовые только бдят.

– Не думал, что решишься... но решился. Вот что, у меня есть для тебя, капитан, другая должность и работа. Мне остро необходим особист. Возьмёшься?

– Так это была проверка? – прямо посмотрел он на меня.

– Да.

– А этого тебе не жалко? Его жены, что рыдает сейчас над телом? Детей? Их трое.

– Нет.

– А Семёнов, он вон как по селу работал, всех недобитков нашёл и прижал?

– Он слишком импульсивен и подвержен сиюминутному решению. Для командира подразделения это не критично, а вот особиста из него не выйдет. Особист мне нужен с холодной головой, умеющий думать и принимать решения. Ты подходишь, в случае крайней нужды пойдёшь до конца, как только что было выяснено. С работой особиста знаком?

– В общих чертах... Время есть подумать?

– До утра. Взвод заму передай.

– Хорошо.

– Ужинай, а мне с новобранцами закончить надо. Кстати, у нас первый командир мотострелкового взвода появился. Старшина Радугин. Сейчас он принимает подразделение. Всего семь человек, но с чего-то же надо начать. Два других взвода даже ещё не начали своё формирование. Ни людей, ни командиров... Следующий!

Ночью, в постели, куда меня положила пожилая хозяйка, я лежал в одном исподнем и размышлял о сегодняшнем дне. Надо сказать, прошло всего два дня с момента начала формирования мангруппы, а у меня уже тридцать человек на десяток подразделений. Правда, пяток можно сразу вычеркнуть – лётчики и непрофильные бойцы уйдут из подразделения, а набирать надо так, чтобы костяк после пересечения фронта остался со мной.

После захвата села выяснилось, что тут окруженцев куда больше. Видимо, в Раговичах за этим полицаи очень пристально следили. В Марьяновке было проще. Окруженцев представляли братьями, дядьками, дальними родственниками, приехавшими погостить, да и что уж говорить, и просто мужьями. К сожалению, из восемнадцати человек трое отсеялись в силу возраста и ранений. Остальные пошли в подразделения. Теперь у меня было три водителя, шесть артиллеристов, включая тех, что уже есть, правда, из разных подразделений и воевали они на разных системах. Три командира, пять пехотинцев, но по возрасту подошли только трое, остальные ушли в пулемётный взвод. Кстати, тот красноармеец, Михайлов, пожилой мужчина, которого я определил в хозяйственное подразделение, вернулся и попросился к пулемётчикам. А что ему, пулемёты то же, что швейные машинки. Шучу конечно, просто он встретил односельчанина, что с нами пришёл, и попросил к нему. Я не отказал, и он стал четвёртым номером «Максима». Был ещё один разведчик, причём из того же батальона, что и Белов. Видимо, часть Белова, отходя, оставила их в разных деревнях. Правда, сам Егор его не сразу вспомнил, служили они в разных ротах и встречались редко. Егора я поставил командиром первого отделения формирующегося взвода, его однополчанина – командиром

второго. Чтобы хоть командиры были опытные и натренированные. Правда, пока подчинённых у них нет, но это дело наживное. Тем более в двадцати километрах находится лагерь военнопленных, и я уже начал планировать налёт на него.

Я не собираюсь брать всех людей из лагеря. Нет, мы из пулемётов расстреляем охрану и часовых, чтобы дать возможность бежать военнопленным, после чего отойдём. Ту часть, что побежит в нашу сторону, просеем частой гребёнкой и наберём людей. Молодых и злых парней, а перед другими извинимся, они нам не нужны и будут мешать. Знаю, что нехорошо так говорить, но других слов у меня не было. Мне не нужны гири на ногах, иначе ни о какой мангруппе не может идти и речи, а у меня на неё большие планы. Надеюсь, освобождённые военнопленные смогут выбраться своими силами. Минимум продовольствия и оружия мы им дадим, это всё, чем я смогу им помочь.

Конечно, можно и дальше так неторопливо набирать людей. Но на это может уйти до недели, а то и больше. А тут разом я наберу необходимое количество, более того, тех воинских специальностей, что мне были так необходимы. Да, этот лагерь военнопленных, о котором мне сообщили местные жители, идеальное для меня решение проблемы с нехваткой бойцов и командиров. Конечно, есть проблемы с вооружением, но с этим мне помогут склады трофеев вооружения РККА, что собирали немецкие трофейные команды в этой области. Правда, в том посёлке городского типа стоит взвод немцев и взвод вспомогательной полиции, но я что-нибудь придумаю. Например, выманю их из посёлка Иванкова и заведу в засаду. Наличного вооружения вполне хватит если не уничтожить их, то изрядно потрепать.

На данный момент моё подразделение, кроме названного количества людей, имело транспорт из шести телег и повозок разной тяговой силы. Также было пять коней под седлом, два из них отходили разведчикам, один был мой Рыжий, четвертого забрал себе Семёнов, пятый отошёл Игнатьеву, который оказался неплохим кавалеристом. Он, кстати, согласился и теперь создаёт особый отдел заново.

Вооружение – четыре ручных пулемёта, три из них ДТ, один ДП. Один «Максим» – «инвалид», как его прозвали ехидные бойцы. Из лёгкого стрелкового у нас было восемнадцать винтовок Мосина, четыре карабина той же модели, они шли в основном разведчикам и артиллеристам. Было два автомата, один наш и один немецкий, про их карабины я уж и не говорю. Как было девять штук, так и осталось. Их я планировал отдать военнопленным, что не пойдут с нами. Как-то

так. Жаль, тяжёлого вооружения у нас нет, да и с боезапасом к основному оружию тоже не густо.

Продовольствия у нас было на пару недель, если рассчитывать прокормить сорок человек. Правда, повар жаловался, что сорокалитровый казан, что был у нас за общий котёл, маловат. Идеально бы подошла полевая кухня.

Среди последних трофеев при обыске хаты полицаев под кроватью старшего полица, того самого, учительского вида, бойцы обнаружили завёрнутую в мешковину СВТ в снайперском исполнении. Прицел находился на месте. Подумав – я знал, что среди бойцов снайперов нет, – отдал свой пулемёт со всем запасом дисков в мотострелковый взвод, парни знают, что с ним делать, а сам забрал винтовку себе. Даже провёл её осмотр и чистку перед сном. Винтовка оказалась в порядке, без повреждений, хотя было видно, что старый хозяин за ней не следил, пришлось поработать над регулятором, чтобы привести винтовку в полный порядок. Жаль только, она не была комплектной, штыка не было, это и расстраивало.

Прикрыв глаза, я глубоко вздохнул и провалился в сон. Завтра много дел, нужно отдохнуть. Хотя шести часов мне хватит с запасом, я действительно научился высыпаться за короткое время.

* * *

– Что скажешь? – спросил я у лежавшего рядом Семёнова.

Капитан использовал для наблюдения один из двух наличных биноклей, мне же хватало прицела на винтовке. Кстати, я уже успел её испробовать и остался доволен результатом. Три выстрела, и два немца, что ехали на мотоцикле, отправились в мир мёртвых.

Сегодня утром, когда мы покинули Марьяновку, спустя пару часов вернулся разведдозор с сообщением, что навстречу движется техника. Эта новость застала нас буквально со спущенными штанами. Нет, мы готовы были к бою, но на наших условиях, когда заляжем в засаду и будем бить противника из укрытия, но мы находились в открытом поле.

Позади в трёх километрах осталась небольшая рощица, и впереди километрах в двух также находилась посадка, окружающая озеро. Место для засад в обоих случаях приемлемо, но как я уже говорил, нас застали в открытом поле.

– Переодеваемся под полицаев, – мгновенно приняв решение, скомандовал я, доедая бутерброд. До обеда ещё было далеко, а позавтракать я не успел, вот и восполнял калории. Так-то обедать мы рассчитывали на ходу, так как горячее планировалось только на месте стоянки перед ночёвкой и наутро.

Не думаю, что искали нас, для этого прошло слишком мало времени, хотя эту версию я не исключал. Скорее всего это двигаются такие же интенданты. Чуть позже выяснилось, что я всё-таки ошибся, это действительно искали нас.

Немцев было семеро на двух мотоциклах и... советском бронеавтомобиле. Без сомнений, под белыми тевтонскими крестами скрывалась наша родная броня БА-20.

– БэА-двадцать эм, – опустив бинокль, сообщил Семёнов, он тоже опознал нашу бывшую бронемашину.

– Ну и что? Сколько немцы захватили подобных машин? Нам эта пулемётная жестянка не нужна. Жжём, когда они ближе подойдут... О, передовой мотоцикл увеличил скорость, видимо, они хотят опознаться до прихода основной колонны. Патроны на бронебойно-зажигательные переснарядили?

– Да, – кивнул Семёнов и отошёл в сторону.

Мотоцикл уже был близко, да и основная колонна была недалеко, поэтому, привстав на одно колено за передовой телегой, я прижал винтовку к плечу и трижды выстрелил по мотоциклистам, что двигались позади бронемшины. Фактически на этом бой и закончился. Мои выстрелы прозвучали сигналом, и почти сразу ударили четыре ручника – «Максим» контролировал тылы – и изрешеченная бронемашина остановилась, уткнувшись капотом в склон кювета. Нам ещё повезло, что не вспыхнул бак броневика, тогда кранты трофеям, и это бы выдало наше местоположение. Хотя бак в некоторых местах был пробит и горючее начало вытекать на землю, образуя лужу. В общем, очень повезло.

Живых немцев не было, но один из бойцов, что с грехом пополам понимал этот язык, прочитал в документах офицера, находившегося внутри БА, что ищут они диверсионную группу, уничтожившую подразделение комендатуры Народичей. На карте я нашёл обозначенное место трагедии, оно совпадало с тем, где я бросил подожжённую технику.

Из трофеев было три автомата, что ушли мотострелкам, два МГ-34, ДТ и три карабина. Пистолеты я не считаю, хотя их было три единицы. Оба мотоцикла были с пулемётами, так что один мы затрофеили с моей цели, ДТ Воронин вытащил из башни броневика, второй МГ сняли с люльки передового мотоцикла. Он был изрешечён и в дело не годился. Но вот мотоцикл, по которому работал я, на удивление оказался цел, не считать же за повреждения две случайные пробоины в люлке? Водители у нас были, так что подумав, я решил, что пора обзаводиться техникой, и приказал оставить мотоцикл. Бойцы слили весь бензин в свободную тару, был подобран экипаж. В люльку уже был установлен исправный пулемёт, и мотоцикл возглавил нашу колонну. Разведка на конях продолжила выполнять функции передового дозора. Бой этот произошёл всего в одиннадцати километрах от лагеря военнопленных, поэтому за световой день, пройдя километров тринадцать, мы оставили Воронина организовывать временный лагерь и впятером, включая обоих разведчиков, направились на конях на рекогносцировку, и вот уже как двадцать минут наблюдали за жизнью в лагере военнопленных.

Воронину требовалось дать лошадям хотя бы несколько часов отдыха, им и нам придётся идти всю следующую ночь, чтобы уйти от лагеря военнопленных как можно дальше. Тут с ностальгией вспоминаешь многокилометровые рейды по тылам противника на наших «газонах».

- Далековато для пулемётов. Ручниками не достанем, тут станковое нужно.

- Согласен, - кивнул я и, оторвав сухую прошлогоднюю травинку, стал её покусывать, задумчиво поглядывая на далёкий лагерь. - «Максим» поставим тут. Его задача - отвлечение внимания, основная же огневая группа с ручниками пойдёт по тому оврагу. Во-он от того места, где кривое дерево, до лагеря порядка четырёхсот метров, для ручников нормально. Главная задача бить по скоплению немцев. Первым делом откроем огонь по казарме, это вон то строение.

– Зажигательными можно, – пожевав губами, согласился Семёнов, и подумав, добавил: – Всех не уничтожим, среди военнопленных большие потери будут.

– Будут, – согласился я. – Но пулемёты на вышках на мне, из винтовки буду по ним работать. Шесть вышек, шесть пулемётов.

– Все не успеешь. Предлагаю те две ближайšie оставить пулемётчикам, они их изрешетят, не бронированные, вот с остальными сложно, и тут их ликвидацией действительно лучше заняться тебе. Так надёжнее будет.

– Да. Возвращаемся в лагерь. Надеюсь, Воронин хорошо замаскировал наш след, что сворачивает к лесу. Немцы нас в этом районе уже, наверное, начали искать, – сказал я, возвращаясь к оставленным в низине лошадям.

– Думаете, они нас ищут именно тут?

– Ну, не тут, но где-то в этом районе. Пойми, капитан, немцы тоже ведь не дураки и понимают, что просто так нас взять трудно. Самое логичное и верное – это отправить в разные стороны патрульные группы из местных полицаев. Своих они стараются беречь, тут нам повезло на нацистов нарваться. Пропала одна группа, ага, значит, русские где-то в районе их патрулирования, круг заметно сужается. Так что в другой ситуации я бы предпочёл пропустить этот патруль. Но там так ситуация сложилась. Одним словом, у нас осталось куда меньше времени, чем я думал. Именно поэтому мы совершаем нападение сегодня, до темноты, и будем уходить в отрыв всю ночь. Главное не приближаться к основным дорогам и переправам, там усиленные посты. Наверняка ещё на бродах их поставили да в деревнях гарнизоны усилили. Или усилят не сегодня, так завтра. Схема у них отработана, а нам нужно сделать так, чтобы она сработала вхолостую... Мотоцикл придётся уничтожить, нам две речки пересечь надо будет, с лошадьми куда проще. К мостам и бродам не подойдёшь.

– Надеюсь, всё получится. Вы командир. Вам лучше знать, – переложил Семёнов на мои плечи всю ответственность.

– Так всегда и было, – усмехнулся я и, проверив подпругу, одним прыжком оказался в седле, после чего ударил каблуками по бокам Рыжего и последовал вслед за Беловым. До темноты осталось три часа, нам нужно успеть за это время не только организовать позиции, но и, нанеся охране максимальный урон, уйти

как можно дальше. Пусть немцы за головы хватаются, когда в побег уйдёт почти пять сотен военнопленных. Им нужно будет не только нас ловить, отличная ширма получается.

Впереди показалась дорога. Проверив, нет ли кого на виду, мы пересекли её. Обернувшись, я посмотрел на заметные следы копыт, что оставались на влажной земле, и, сплюнув, зло прошептал:

– Как достала эта сырость.

Через пару минут мы оказались среди голого леса, однако лагерь был развёрнут не в нём, а в ельнике на другой стороне, именно там мы и нашли наш обоз. Ельник хорошо маскировал стоянку. Повар уже начал готовить ужин, а я стал строить в одну шеренгу тех, кто будет участвовать в освобождении наших парней из плена. Ничего, вернутся – поужинают. Сам голодный.

Сначала всё шло согласно плану, мы выдвинулись к лагерю, незаметно заняли позиции и, приготовившись к бою, стали ожидать сигнала открытия огня. Не моего приказа, кстати говоря. Но время шло, а пулемётчик за прицелом «Максима» медлил, хотя ему играть первую скрипку. Почему он медлил, я знал, по плану огонь должен был быть открыт за полчаса до заката, поэтому я нетерпеливо поглядывал на минутную стрелку. Уверен, командир пулемётного расчёта лейтенант Захаренко делал то же самое, мы сверились перед боем, чтобы у нас было одинаковое время на часах.

Наконец время подошло, минутная стрелка достигла назначенного времени, поэтому прицелившись в давно намеченную цель, я дождался, когда вдалеке длинной очередью загрохотал «Максим» и спустил крючок. В ту же секунду немец, что прогуливался по небольшой площадке вышки, мягко повалился на дощатый пол. Почти сразу после выстрела подо мной загрохотали ручные пулемёты. Да, я умудрился незаметно для немцев залезть на дерево, где уж больно была хорошая позиция для стрельбы. А вот дальше всё пошло не по моему сценарию. Я это заметил, когда загасил пулемётчика на третьей вышке и наводил ствол снайперки на четвёртую и последнюю. Остальные были уже уработаны. Последние сейчас выпускали диск за диском по казарме, но и они заметили неладное и были вынуждены прекратить огонь.

Дело оказалось в том, что военнопленные не стали разбегаться, хотя возможность у них такая была. Нет, они как единый организм, что намекало на управление ими, рванули к казарме через руками разорванную колючую проволоку ворот. Да они эти ворота буквально снесли! К сожалению, пока я успел загасить последнего пулемётчика, тот успел натворить бед, и у ворот остались лежать порядка двадцати тел в старой рваной советской форме. По своему опыту знаю, что там лежали активисты, те, кто первыми шли в бой. Молодая элита Союза.

Мы лежали и наблюдали, как военнопленные заканчивают с зачисткой лагеря, мне через прицел было видно, что они никого не жалеют, пленных никто не брал. Видимо, охрана позволяла себе некоторые вольности в отношении поднадзорных и получила воздаяние за это. Чувствуя, как на меня поглядывают бойцы-пулемётчики, я внутренне поморщился и скомандовал: – Выходим. Гиреев, останешься в прикрытии.

– Есть, – козырнул молодой паренёк с Кавказа и с напарником остался лежать у трофейного МГ.

Энергично шагая к лагерю, меня обогнали почти все бойцы, я размышлял о превратностях судьбы. Идея совершить налёт на лагерь и воспользоваться возможностью набрать людей пошла прахом. Судя по тому, как действовали военнопленные, у них нашёлся кто-то с немалым авторитетом, который взял на себя всю полноту командования подполья, и в нужный миг все выступили с одной целью – освобождение из плена.

Теперь о моих бедах. Я не смогу набрать людей и бросить остальных, не поймут. Да, у меня есть цель, да, я пойду на всё, чтобы её достичь, но мне нужны люди. Этим парням, что стояли одной стеной за колючей проволокой и молча с блестящими от возбуждения глазами наблюдали за нашим приближением, я просто не смогу сказать: «Нет, я вас не возьму!» Мне этого не позволит совесть, но и бросать их тоже не имеет смысла.

Прикинув за то время, пока шёл к лагерю, я решил, что в принципе ничего плохого в освобождении такого большого числа военнопленных нет. Тут хоть в основном рядовой состав да младшие командиры, но сформировать из них три мангруппы под единым командованием я в состоянии. Комплектация и формирование – это проблемы следующих дней, сейчас же не тот момент. Тот же Воронин вполне потянет командование одной из групп. Второй, с которой

будет находиться единый штаб соединения, могу командовать я. Одновременно командуя всей группировкой, насчёт третьей подумаем, вполне может быть, тоже найдётся человек, ведь кто-то же командовал пленными в лагере, а это, поверьте, ой как непросто – повести их за собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/poselyagin_vladimir/oficer-krasnoy-armii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)